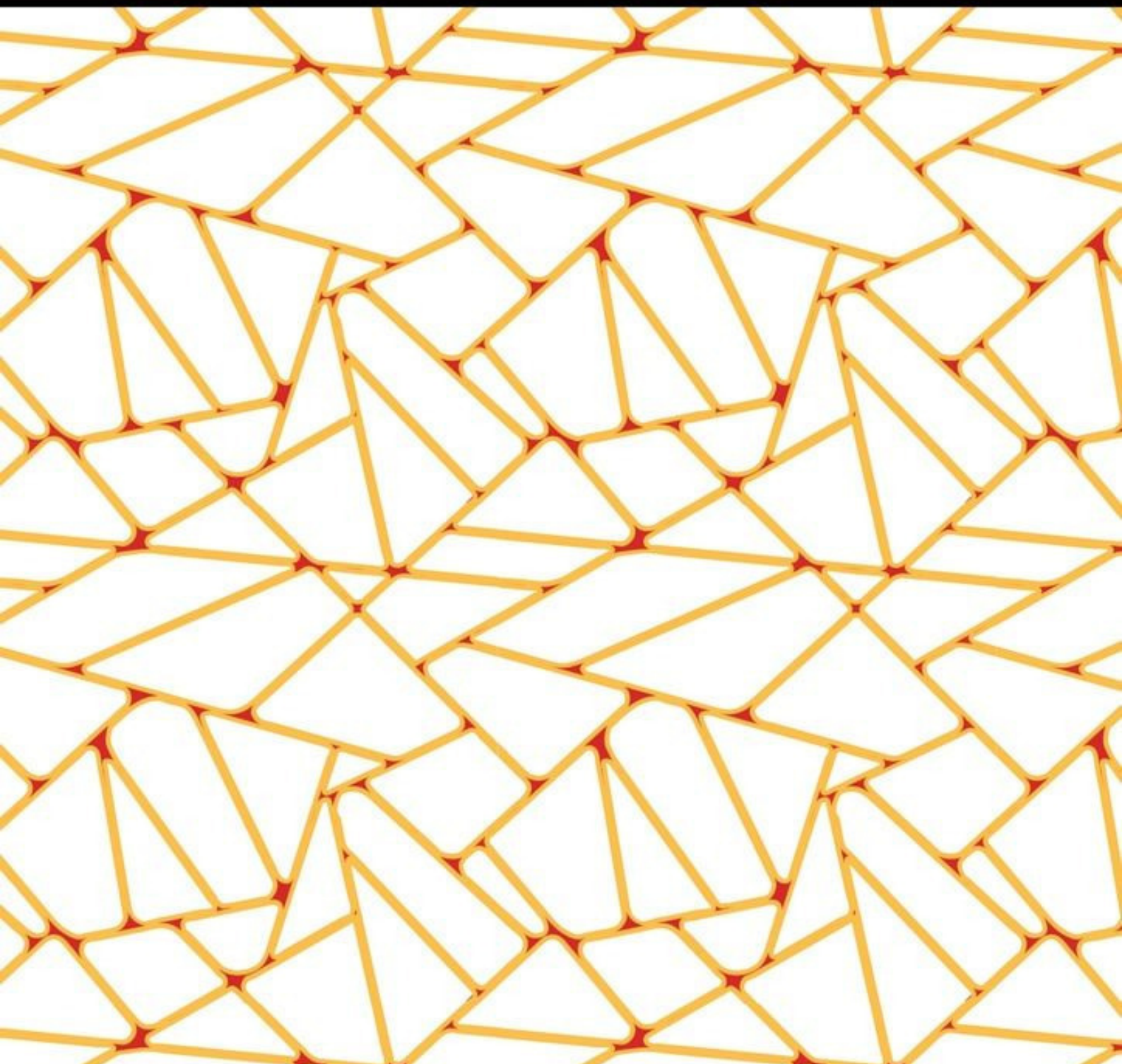

18+

ЕЛЕНА СЕМЁНОВА

Собирали злато, да черепками богаты

Елена Семёнова

**Собирали золото, да
черепками богаты**

«Издательские решения»

Семёнова Е.

Собирали золото, да черепками богаты / Е. Семёнова —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-900888-6

**НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД
ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ
УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.** 90-
е годы XIX века. Обычные уголовные преступления вытесняются
политическими. На смену простым грабителям и злодеям приходят идейные
преступники. Террор становится частью русской жизни, а террористы
кумирами. В Москве одновременно происходит два преступления. В вагоне
пришедшего из столицы поезда обнаружен труп без головы, а в казармах N-го
полка зарублен офицер, племянник прославленного генерала Дагомыжского.
Следователи Немировский и Вигель расследуют запутанные преступления.

ISBN 978-5-44-900888-6

© Семёнова Е.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Часть 1	10
Глава 1	10
Глава 2	29
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Собирали золото, да черепками богаты

Елена Семёнова

© Елена Семёнова, 2017

ISBN 978-5-4490-0888-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

– Человек! Тысячелетия тебя заставляли подавлять своё естество во имя отвратительной лжи, провозглашаемой лицемерами в рясах! Отринем же, отринем, наконец, эту гнусность и провозгласим во весь голос: мы – господа себе и миру, мы – хозяева жизни и природы! Почувствуем себя не рабами, но богами и возьмём то, что положено нам, что отнималось у нас веками! Сбросим путы лжи, дадим волю естеству – жизнь должна приносить наслаждения, так упьемся же ими, вырвем всё причитающееся нам из лап обокравших нас! Поднимись, человек! Посмотри на мир этот, на ничтожных рабов, лишаящих себя наслаждения во имя лжи! Презри их и пользуйся ими, как своими рабами! Шагай вперёд смело, не глядя, кто упал под твои стопы, ибо ты – хозяин, потому что ты понял это! Ты понял, что ты господин, и нет иных господ над тобою, а потому стал выше прочих. Нет преград тебе! Разрушь их, разорви, преступи, и никто не сравнится с тобой, человек! – пламенный вития хрипло закашлялся и поднёс платок к губам. Во мраке не было видно, как на платок этот хлынула кровь, но дама сидевшая в тёмном углу презрительно шепнула своему спутнику:

– Ах, Бог ты мой, ещё и чахоточный! Интересно, как этот полупокойник собирается отнимать у жизни положенные ему наслаждения?

– Это-то его и бесит, и приводит в исступление, что он уже не успеет их отнять, – усмехнулся в ответ тот, касаясь губами мочки её уха. – Богиня моя, какая же у вас нежная кожа, какие благоухающие волосы...

– Могу себе представить, скольким вашим жертвам вы это говорили!

– Разве для вас это имеет значения?

– Ни малейшего!

– Вот, за это я вас и обожаю.

– Только за это?

– Разумеется, нет, моя богиня. Однако, я не понимаю, какого чёрта мы пришли сюда? Здесь порядочная сука, клянусь рогами вельзевула!

– Разве? А, по-моему, забавно. Этот проповедник меня развлекает... По-моему, ему не дают покоя лавры Ницше... Бедняга, он пытается ему подражать, а получается так жалко, что даже смешно. Но оттого и развлекает...

– А вы жестоки! Что же, согласны вы с этим чахоточным истериком?

– Отчасти... Ах, Бог ты мой, как же мне не согласиться, если я сама уже давным-давно преступила и в жизни ищу одних наслаждений? И вы, мой друг, первый номер в их списке.

– Я польщён!

– Сознайтесь, что и вы ищете в этой жизни одних только наслаждений? Я это почувствовала сразу, как только увидела вас впервые. Мы с вами похожи...

– В таком случае, моя богиня, у меня предложение: оставим эту скучную лекцию о наслаждениях, читаемую человеком, которому они недоступны, и отправимся наслаждаться обществом друг друга...

Тебя я хочу, мое счастье,

Моя неземная краса!

Ты – солнце во мраке ненастья,

Ты – жгучему сердцу роса!

Любовью к тебе окрыленный,

Я брошусь на битву с судьбой.

Как колос, грозой опаленный,

Склонюсь я во прах пред тобой.

За сладкий восторг упоенья
Я жизнью своей заплачу!
Хотя бы ценой преступленья —
Тебя я хочу!¹

– Вы настоящий дьявол!

– Вы мне льстите, моя прекрасная вакханка! Так мы едем?

– Немедленно! – томно выдохнула дама и бесшумно покинула погружённый во мрак небольшой зал, где собралось порядка трёх десятков человек. Лишь половина собравшихся приходили к новоявленному проповеднику всякую пятницу, когда бывали собрания, остальные являлись от случая к случаю, а то и вовсе единственный раз забредали со скуки и больше не показывались. Завсегдатаи, по желанию, записывались в число новых апостолов, но большинство предпочитало сохранять инкогнито, что было достаточно легко, учитывая мрак, царящий в помещении. Лишь на импровизированной эстраде, где в глубоком кресле восседал в полуоборот к залу проповедник, фигуры и лица которого также почти не было видно, горело несколько свечей, от которых исходил странный, резковатый запах, от которого с непривычки начинала болеть голова. Казалось, что всё это мрачное, душное от набившихся в него людей помещение, было наполнено лишь этим дурманящим запахом и голосом невидимого «учителя». Голос этот невозможно было спутать ни с каким другим. Высокий, металлический, хриловатый, звенящий – он словно разбивался о стены, рассыпался осколками, впиваясь в слух каждого и ударяя по нервам, играя на них, словно смычок на струнах, заставляя внимать и верить наиболее податливые и не уравновешенные души.

– И, вот, я говорю тебе, человек, нет более преград для тебя! Всё, что лицемеры именуют пороками и преступлениями, суть человеческое естество, подавленное ложью и требующее освобождения!

Проповедник, очевидно, обладал определёнными гипнотическими способностями, и люди, слушавшие его некоторое время, впадали в какое-то странное, граничащее с помешательством состояние.

– Великий человек! – изредка проносился шёпот.

И лишь те, что заходили сюда случайно и были увлечены своим делом, как только что ушедшая пара, оставались невосприимчивы к этому гипнозу. Именно к такой категории принадлежала четвёрка людей, примостившаяся в углу. Они посещали пятницы регулярно, но почти не слушали проповедника. Они приходили не ради него, но ради дела.

– Какой идиот, – поморщилась худая, бедно одетая женщина. – Наслаждения! Наслаждения – удел недоумков, а наш удел – борьба!

– Разве вы не наслаждаетесь борьбой, Агриппина? – послышался характерный грассирующий голос.

– Меня раздражает этот идиот! Он просто ничтожество и хочет добиться славы, проповедуя чушь, которую не мог даже придумать самостоятельно! – в голосе женщины кипело раздражение.

– Вы напрасно сердитесь, Агриппина. Он проповедует то, что полезно нам.

– Да какая же польза в этом бреде?

– Он, как и мы, провозглашает разрушение, упразднение всех границ и основ. Он освобождает своих последователей от тех рамок, которые мешают им всемерно поддержать нас. Он готовит людей, которые не остановятся ни перед чем для достижения своей самой примитив-

¹ Стихотворение К. Д. Бальмонта

ной цели. Армия восставших рабов, озлобленных и желающих брать своё любым способом! Разве не это нам нужно? Чем больше будет таких, тем легче нам будет перевернуть эту страну, а затем и весь мир, отомстить за наши обиды и унижения и установить свою правду, основанную на силе и решимости освобождённого естества! Так что этот психопат работает на нас. Да и теперь уже мы получаем от него пользу, встречаясь здесь...

– Но было бы лучше, если бы он говорил немного осторожнее, – заговорил третий, судя по голосу, ещё совсем молодой человек. – Если кто-то донесёт, что здесь говорится, то полиция положит конец этим пятницам, а проповедника отправят в жёлтый дом.

– И прекрасно! Это тотчас принесёт ему славу, о которой он так мечтает. Вместо десятков, к нему станут приходить сотни паломников, а тысячи станут читать его размноженные бредни, а прогрессивная общественность поднимет его на свои знамёна, как жертву кровавого царского режима. Всё это лишь на руку нам. Конечно, придётся искать другое место для встреч, но это не так сложно...

– Я хотел сказать вам всем, что в вашей игре я больше участвовать не собираюсь! – внезапно выпалил четвертый. – Я пришёл сюда в последний раз, чтобы сказать вам это!

– Что-о-о??? – протянула женщина. – Да как вы смеете?! Вы...

– Тише, Агриппина, – прервал её Саул. – Говори, Альфонс.

– Мне нечего больше вам сказать. Я не собираюсь помогать вам в преступлении, которое вы задумали. Я не убийца!

– Вот как? Может быть, ты ещё и донесёшь на нас?

– Я не доносчик. Но отныне я не желаю иметь с вами ничего общего. Довольно! Одно дело прятать книги и другие мелочи, а совсем иное – убивать. Здесь я вам не помощник. Прощайте!

– Постой, – голос Саула зазвучал жёстко. – Ты, кажется, забыл об одной малюсенькой малости. А ведь если о ней станет известно, то...

– Я больше не потерплю вашего шантажа. Я сам открою мою тайну всем. Конечно, это будет иметь для меня печальные последствия, но не столь печальные, чтобы проливать из-за этого кровь и участвовать в подлости. Я не пропаду. По крайней мере, из-за меня не погибнут люди, и сам я не окажусь на каторге.

– Трус! Предатель! – прошипела женщина. – Неужели вы думаете, что сможете так легко уйти от нас? Что мы простим вас?

– Я не просил прощения, Агриппина.

– А теперь – лотерея смерти! – торжественно провозгласил проповедник в этот момент. – Для пришедших сюда впервые объясняю правила: сейчас явится некто, в чьих руках будет колода карт, и каждый из присутствующих вытянет по одной, и тот, кому достанется туз пик, умрёт в течение месяца!

– Пиквикский клуб, – пробормотала Агриппина. – Я же говорила, что у этого глупца нет ни единой собственной идеи... Какое ничтожество!

– Зато люди получают лекарство от скуки. Разве вы не знаете, Агриппина, что смерть – лучшее лекарство от этого недуга? Своя или чужая... Альфонс, я надеюсь, вы не струсите и сыграете, по крайней мере, в последний раз?

Альфонс пожал плечами.

Из темноты вынырнула странная фигура в чёрном балахоне с капюшоном, державшая в руке веер карт, и двинулась вдоль наэлектризованных людей, с волнением выхватывающих у неё карту за картой и облегчённо вздыхающих. Наконец, настала время тянуть для примостившейся в углу четвёрки.

– Вы сейчас вытянете этого проклятого туза, – зло бросила Агриппина Альфонсу, бросая на пол крестовую даму.

Альфонс усмехнулся, вытянул карту и передёрнул плечами.

– Ты скоро умрёшь, – прошелестел голос из-под балахона, и невозможно было определить, мужской он или женский.

– Какая глупость! – раздражённо фыркнул Альфонс, бросил карту и направился к выходу.

– Ну, вот, товарищи, – негромко произнёс Саул, – теперь нам осталось привести приговор в исполнение.

– Ты хочешь сказать?..

– Да, Тадеуш, оставлять его в живых нельзя. Во-первых, может донести на нас, а, во-вторых, непедагогично для других... Нужно только придумать план... А пока идёмте, не стоит задерживаться здесь дольше.

Сеанс закончился, и люди стали расходиться. Некоторые недоумённо пожимали плечами, другие, напротив, восхищались услышанным, и какая-то экзальтированная женщина бросилась на колени перед эстрадой и, раздирая платье, истерически возопила:

– Слава учителю! Долой все запреты! Давайте разрушать и наслаждаться! Наслаждаться!

Её подняли и вывели под руки. Тадеуш звонко рассмеялся, задержавшись в дверях:

– Если бы эту неврастеничку не остановили, она бы, пожалуй, стала бегать по эстраде голышом...

– И наслаждаться... – добавил Саул.

– Чем? Вряд ли этот бедолага мог бы оправдать её доверие!

– Прекратите говорить пошлости! – сердито бросила Агриппина. – Всё-таки здесь отвратительно! Отправить бы всю эту истеричную публику в Сибирь, чтобы они наслаждались друг другом там и развеивали бы свою скуку!

– Потерпите, Агриппина, отправим. И их, и всех прочих, всех, кто будет нам мешать... Скучать мы не дадим никому! Расходимся, на всякий случай, в разных направлениях. До встречи!

Часть 1

Глава 1

Ася отложила в сторону свежий номер «Весов», выписываемый ею наравне со «Скорпионом» и другими литературными журналами и альманахами, и с усилием приподнялась с оттоманки, на которой лежала, укрывшись верблюжьим одеялом. Голова закружилась, и в глазах замелькали разноцветные точки, но Ася сделала над собой усилие и улыбнулась вошедшему с озабоченным видом мужу.

– Вот, милый, доктор Жигамонт, – кивнула она на сидящего рядом доктора, – говорит, что я не могу сегодня ехать в театр... Право же, я уверена, что он преувеличивает, я вполне могла бы одеться и поехать...

– Ни в коем случае не нужно нарушать предписаний врача. Тем более такого, как Георгий Павлович. Вот, поправишься, ходим во все театры, на все спектакли, – Пётр Андреевич ласково улыбнулся и обнял жену за плечи. – Решено, я тоже останусь сегодня вечером дома.

– Нет! – Ася покачала головой и подняла указательный палец. – Ты просто обязан ехать. Ведь у Владимира премьера, это так важно для него! И мы обещались быть. Довольно и такого инкомодите², что меня не будет...

– Но, ангел мой...

– Никаких «но». Если ты не поедешь, то кто же мне расскажет об этом спектакле? Ведь мне же интересно!

– Володя и расскажет... И Надя. И газеты напишут...

– Газеты пишут ерунду, а Надя с Володей пристрастны. А мне нужны беспристрастные свидетельские показания! – Ася рассмеялась и чмокнула мужа в щёку. – И потом, Петруша, никто не умеет рассказывать об увиденном лучше тебя! Тебя послушаешь – и словно сам всё видел. Поэтому твой святой долг сейчас бывать везде, рассказывать мне обо всём, чтобы я была в курсе всех дел. Поезжай, пожалуйста, хотя бы ради меня!

– Ради тебя я бы поехал куда угодно, – ответил Вигель. – Но всё же это нехорошо, что ты остаёшься одна. Николай Степанович наверняка задержится в клубе за билльярдом...

– Отчего же одна? – пожал плечами Ася. – Со мной останется доктор. Мы пречудесно проведём время. Обсудим все культурные события и благотворительные дела. Не правда ли, Георгий Павлыч?

– Буду счастлив провести этот вечер в вашем обществе, Анастасия Григорьевна, благо он у меня совершенно свободен, – кивнул доктор Жигамонт.

– Иди, Петруша, а то опоздаешь. А я тебя буду ждать и ни в коем случае не усну, пока ты не вернёшься и не расскажешь мне всего.

– Слушаюсь, мой генерал!

– Пстой, – Ася пристально посмотрела на мужа. – Наклонись, я поправлю тебе галстук. Вот, теперь просто замечательно! Передавай мои извинения и наилучшие пожелания Олицким.

– Незакосненно исполню, – улыбнулся Вигель и, поцеловав руку жены, покинул её комнату.

Едва Пётр Андреевич удалился, Ася вновь бессильно опустилась на оттоманку и прикрыла глаза. Наделённая от природы характером бойца, она изо всех сил боролась с поразившим её внезапно тяжёлым недугом, но противник, жестокий и безжалостный, отвоёвы-

² Неудобство (франц.)

вал всё новые и новые трофеи, и Ася чувствовала, что этот бой ей уже не выиграть. Судьба подарила ей почти десять лет абсолютного счастья, не замутнённого ничем, счастья рядом с обожаемым мужем и сыном Николенькой, родившимся через год после их брака. Видимо, на долю каждого человека положена определённая норма счастья, и свою норму Ася исчерпала... Несмотря на обнадеживающие слова докторов и близких, она всё яснее понимала своё положение и ловила себя на мысли, что себя ей ничуть не жаль, но бесконечно жаль мужа, сына, старого крёстного, для которых её уход станет тяжёлым ударом. Ася была почти рада, что Николеньки теперь не было с ней. После перенесённой сильной простуды и воспаления лёгких мальчик по совету Георгия Павловича был отправлен в Крым. Там он вместе с Анной Степановной гостил теперь на даче у её старой подруги и писал родителям длинные письма, описывая красоты Коктебеля, прогулки в горах, купание в море, бескрайность которого поразила детское воображение. Ася скучала по сыну, но и радовалась, что его нет рядом. Она не хотела, чтобы Николенька видел её такой, больной, усталой, угасающей. Асе хотелось остаться в памяти дорогих людей резвой, весёлой и полной жизни, какой она была совсем недавно. Она даже теперь старалась быть такой, преодолевая боль и не показывая слабости. Каждое утро она поднималась с постели, одевалась и, если хватало сил, совершала небольшие прогулки, а, если их не хватало и на это, то проводила весь день в кресле или на оттоманке, читая книги и журналы. Ложиться в постель Ася себе не позволяла. Это казалось ей чем-то сродни капитуляции перед недугом.

– Анастасия Григорьевна, вы меня слышите? – вывел её из забытья вкрадчивый голос доктора Жигамонта.

Она совсем забыла о нём... А ведь он же остался с нею по её просьбе. Милый, добрый доктор. Он почти не изменился за десять лет их знакомства: такой же сухопарый, изящный, с тонкими чертами интеллигентного лица и вдумчивыми глазами, смотрящими из-под очков.

– Да-да, слышу, – Ася открыла глаза и обернулась к Георгию Павловичу. – Доктор, это правда, что вы не заняты этим вечером? Мне бы не хотелось и вам доставлять неудобства.

– Я абсолютно свободен, – отозвался Жигамонт. – Так что можете всецело мной располагать.

– Знаете, Георгий Павлович, я на днях взглянула на небо и поняла, что оно стало каким-то другим...

– Неудивительно, осень приближается.

– Нет, я о другом. Я теперь по земле словно и не хожу – наступаю на неё, а не чувствую, словно летаю... Я в детстве летать мечтала... Как Катерина у Островского: «Почему люди не летают, как птицы?» Я сейчас, словно птица... Только подбитая... Земля от меня всё дальше, а небо всё ближе... А ещё я, кажется, поняла, что такое счастье... Счастье – это когда небо не высоко над тобой, а в тебе. Вся эта синяя бескрайность – в твоей душе... Доктор, вы читали новых поэтов?

– Разумеется, я ведь, как и вы, исправно выписываю все журналы...

– И что вы скажете о них? Вам нравятся они?

– Обо всём сказать не могу. Мне кажется, подчас слишком много поэмы, желания выделиться. Это свойственно сейчас людям, и проникло в поэзию. Мне это не нравится. А люблю чистую поэзию, как весенний воздух, как пение птиц, как июньский рассвет...

Когда сквозная паутина
Разносит нити ясных дней
И под окном у селянина
Далекий благовест слышней,

Мы не грустим, пугаясь снова

Дыханья близкого зимы,
А голос лета прожитого
Яснее понимаем мы.

– Ваш любимый Фет... В последнее время я тоже очень его полюбила, а прежде мне казался он несколько скучным... Я любила Некрасова... Поэза – да. Но не только. Я не могу понять, отчего новая поэзия стала, во многом, приземлённой, стремящейся к земле, а не к небу, к физиологии, а не к душе. Ведь одно противоречит другому! Поэзия – вся – небо! Стремление к горней высоте, к Богу, обожествление возлюбленных предметов... А теперь... Я на днях прочла стихи Брюсова. Послушайте, ведь это же ужасное что-то...

Юноша бледный со взором горящим,
Ныне даю я тебе три завета:
Первый прими: не живи настоящим,
Только грядущее – область поэта.
Помни второй: никому не сочувствуй,
Сам же себя полюби беспредельно.
Третий храни: поклоняйся искусству,
Только ему, безраздумно, бесцельно.

– И дьявола, и Бога равно прославлю я... Не поручусь за точность цитаты, но – смысл.

– В этих стихах неба нет, Бога нет... А без этого поэзия не поэзия. И откуда такая тоска о смерти вдруг взялась у нынешних поэтов? Такое ощущение, что все взяли жить с отворачиванием к жизни...

– Это поэзия скучающих людей, – пожал плечами доктор Жигамонт. – Хотя я решительно не понимаю, как можно скучать, когда Россия даёт такой простор для деятельности. Намедни я был у одной купчихи с Солянки по поводу чрезмерного количества желчи, беспокоившего эту почтенную даму. Во время моего визита является к её дому странник. Дитина под два метра, волосы немыты, нечёсаны, босой, грязный, кузовок за плечами. Пустили его в людскую, сел он там и давай Бог сочинять о том, как он пеший во Святую Землю ходил. Весь дом собрался слушать, включая мою купчиху. Мелет Емеля – хоть святых выноси! Слушают! Выпить да откушать поднесли «божьему человеку». Он на радостях из кузова им щепку достаёт. Щепка сия, говорит, от Гроба Господня. Хотя невооружённым глазом видать, что щепку эту он от ближайшего забора отколупнул. Благодарят! Спрашиваю я у купчихи, когда «странник» этот ушёл: «Мавра Ильинична, ну, добро вы ему гривенник дали, но к чему же слушать всю эту околесицу? Ведь он же далее Москвы никуда не ходил!» «Знаю, – говорит, – батюшка, что не ходил и что врёт. Да ведь зато как врёт! Заслушаешься! Вот мне и развлечение, а то же ведь скукота одна. Пушай себе врёт. Как говорится, не нравится – не слушай, а врать не мешай». Но при этом возмущается на чём свет стоит, что рядом с купеческими домами такое соседство, как Хитровка, которую отцы города никак не могут разогнать. А куда, спрашивается, разгонять? Эти же самые купцы и купчихи могли бы от своих барышей приют учредить для хитровских детей. Ведь это же форменный ужас, как они живут там. Торгуют младенцами, малолеток заставляют попрошайничать и воровать «тятеньке с маменькой» на водку, девочки с десяти лет уже становятся добычей пьяных развратников! Ах, что говорить! – доктор Жигамонт в сердцах махнул рукой. – А какие болезни там процветают, каких ран и увечий незаживающих можно насмотреться на телах этих бывших людей, каждый из которых ведь тоже рождён был, как образ и подобие Божие, но уже почти невозвратно утратил его.

– Иногда мне кажется, что ваши хитрованцы утратили этот образ не более многих вполне благополучных с виду людей... Внешнее уродство первых словно зеркало для душевного уродства вторых, – заметила Ася.

– Возможно. Между прочим, часть моей клиентуры из высшего света отказалась от моих услуг, узнав, что я оказываю помощь нищим и убогим с Хитровки. Пользоваться услугами врача, который замарал свои руки такими пациентами, считается у них не комильфо! – Георгий Павлович покрутил в руках свою тяжёлую трость. – Может быть, в самом деле, ничего нельзя поделаться со всем этим... В Лондоне тоже есть кварталы сродни нашей Хитровке. Достаточно прочесть Диккенса...

– Со временем такие ужасные места канут в лету, – уверенно ответила Ася. – Прогресс нельзя остановить. И ужасные явления вроде Хитровки не могут существовать вечно.

– Дай-то Бог, – вздохнул доктор Жигамонт. – Однако, оставим эту мрачную тему. Пётр Андреевич оставил вас на моё попечение, а я утомляю вас столь безрадостными картинами. Хотите, я лучше прочту вам что-нибудь?

– Вы меня несколько не утомили, доктор. Но против чтения я не возражаю. Я на днях получила новые рассказы Чехова. Может быть, прочтёте что-нибудь из них?

– Аvek плези³, – улыбнулся Георгий Павлович. – Тем более, что я ещё не имел удовольствия ознакомиться с новыми произведениями моего коллеги.

– Ох-ох-ох, батюшки святы, кто ж это его, родимого, этак жестоко-то, а? – качал головой пожилой, выдавший виды врач, склонившись над телом убитого. – Даже на Хитровке этаким страсти встречать не приходилось, там народ простой – ножичком пырнут или шею свернут, а тут вона как...

– Что скажешь, медицина? – спросил Василь Васильич Романенко, облокотившись о дверной косяк и оглядывая небольшое пространство пульмановского вагона.

– А что тебе сказать, Вася? Судя по амбре, убиенный имярек в дороге изрядно хорошился с зелёным змием. Один или в компании – это ты сам думай. Но, судя по тому, что нападения он явно не ожидал, то пил он совместно со своим убийцей. Онный дождался, покуда жертва сомлела, и нанёс блестящий удар в самое сердце острым предметом. Сразу могу тебе сказать – не ножом. Может быть, кинжал какой... Крови почти не вытекло. Ну, а уж после того этот мясник отрубил бедолаге голову. Заметьте себе, именно отрубил. Одним ударом. И не топором, насколько можно судить. Искусная работа. Кстати, вы её не нашли?

– Кого?

– Голову.

– Ты что, медицина, думаешь, я за полчаса весь путь от Москвы до Петербурга обследую на предмет исчезнувшей головы? – буркнул Романенко. – Цоп-топ по болоту шёл поп на охоту... Собачья жизнь... Все теперь – люди как люди – отдыхают, кто как может. А я должен на эту жуть любоваться...

– Стареешь, Васильич, – заметил Овчаров, ослабившись жёлтыми, неровными зубами. – И что ты, в толк не возьму, хмурый, как сыч? Ты ж теперь начальство! Самому начальнику полиции докладываешь, а прямо что туча грозная.

– К матери бы под вятери это начальство... Я начальствовать не привык, я своими ногами, руками, глазами и ушами привык работать, а не команды раздавать: сходи туда, сделай это, проследи за тем... Ещё теперь с этим трупом морока... Как, спрашивается, его личность устанавливать?

– Да, Вася, сложно, – согласился доктор, закрывая свой чемоданчик. – Без документов и головы никак не установишь. Я свою работу закончил. Могу быть свободен?

³ С радостью (франц.)

– Иди уже, – махнул рукой Василь Васильич, потирая поясницу. – Эх, спину ломит ещё...
К дождю, что ли... Что скажешь, Никитич?

– На небе ни облачка.

– Тьфу ты, я не про то. Что о деле нашем скажешь?

– Глухое дело, Васильич. Ни документов, ни головы... При убитом нет ни денег, ни вещей. Можно было бы предположить ограбление, но зачем тогда голова?

– Чтобы мы не узнали личность убитого. А зачем это может быть нужно?

– Зачем?

– Ну, к примеру, для того, чтобы при случае иметь возможность воспользоваться документами убитого и выдать себя за него. Или же, если близкие убитого могут легко направить следствие по следу убийцы... Ты всё осмотрел здесь?

– Обижает, Василь Васильич! Я, между прочим, даже землю на оконной раме нашёл, из чего можно сделать вывод, что убийца выпрыгнул в окно.

– Или залез в него... – Романенко крикнул и опустился на колени.

– Васильич, я же всё осмотрел! Охота тебе самому по полу елозить! Ты ж начальство всё-таки...

– Иди ты к чёрту, – раздражённо бросил Романенко. – Всё, говоришь, осмотрел?

– Всё... – неуверенно ответил Илья Никитич.

– А что в том углу? На полу? Позади тела?

Овчаров тотчас прильнул к полу и поднял завалившуюся в углу запонку.

– Надо же, запонка...

– Эх ты, пустельга, – Василь Васильич, кряхтя, поднялся на ноги. – Осмотрел он всё...

Доверь вам!

– Виноват, Василь Васильич...

– «Виноват!», – передразнил Романенко. – Между прочим, друг ты мой Илья, это запонка убийцы.

– Почему ты решил? Может быть, она принадлежала убитому или кому-то из прежних пассажиров...

– Невозможно.

– Почему?

– Здесь регулярно убираются. А полотёры, в отличие от сыщиков, мало-мальски ценных вещиц по углам лежать не оставляют, а кладут к себе в карман. А у нашего покойничка запонки на месте.

– Да, в самом деле... – уныло пробормотал Илья Никитич, в очередной раз подумав, что ему никогда не стать таким блестящим сыщиком, как его начальник.

Когда труп вынесли, Романенко прошёл в соседнее купе и, удобно расположившись на мягком сиденье, велел:

– Подать мне сюда свидетелей!

– Да нет почти свидетелей, Василь Васильич, – вздохнул Овчаров.

Василь Васильич подпёр голову ладонью и смерил его усталым взглядом бирюзовых глаз:

– Проводника веди сюда... Хоть что-то же он должен знать!

Через несколько мгновений бледный и дрожащий проводник предстал пред очи Романенко.

– Рассказывайте! – повелительно кивнул ему Василь Васильич.

– Что рассказывать?

– Всё рассказывайте, дражайший, всё, что знаете. Кто ехал в том купе?

– Господин ехал... Ничего себе господин, солидный-с...

– Как выглядел?

– Затрудняюсь описать... Так много пассажиров мелькает, не всматриваюсь я в них-с... Лет сорок, с залысиной-с...

– Ничего в его поведении странного не было?

– Да нет-с... Обычный господин. Сказывали, из командировки возвращаются, домой-с.

– Так, это уже кое-что. Стало быть, ежели не соврал, так он москвич, а в столицу по делам ездил. Жаль.

– Почему жаль? – не понял Овчаров.

– Потому что в противном случае дело это можно было бы адресовать столичной полиции. Нам и своей уголовщины хватает. О цели своей командировки он не говорил? О доме? О семье?

– Никак нет-с...

– И имени, конечно, не называл?

– А к чему бы им имя своё было называть?

– Действительно... Вещи при нём были?

– Да... Саквояж... Небольшой-с.

– Утянули, стало быть, поклажу. Любопытно, что там было... А к какому на вид сословию принадлежал убитый?

– Затрудняюсь сказать... Может быть, коммерсант. Знаете-с, они так бережно несли свой саквояж, что я даже подумал, что у них в нём деньги-с. А ещё... Я только теперь подумал, когда вы спросили-с... Кое-что странное в них было.

– Что же?

– Сказали-с, что возвращаются из командировки. Но люди, которые возвращаются из командировки, сделав дело, бывают как-то раскрепощены, свободны... А этот господин был так сосредоточен, что скорее можно было подумать, что дело ему только предстоит.

– Однако же, он заказал ужин...

– То-то и оно что нет-с!

– Как так? Там ведь явно ужинали, и весьма плотно...

– Вот, в этом и загадка-с! Они велели не беспокоить и не заходить к ним до самой Москвы и ничего не заказывали!

– Интересно, – Романенко пригладил рукой свои тёмные с изредка пробивающейся седой волосы. – И вы, конечно, не заходили и не тревожили?

– Разумеется...

– И никто не присоединился к нему в дороге?

– Ручаться не могу-с. Не видел-с.

– Плохо, что не видели... Ладно, можете быть свободны... Пока.

– Благодарю-с. Ей-Богу, зуб на зуб не попадает от этой истории... Как я нынче вошёл, как увидел...

– Ступайте, дражайший, ступайте. Водочки выпейте.

– Всенепременно-с...

Когда проводник ушёл, Василь Васильич помолчал несколько минут, а затем произнёс:

– Итак, Никитич, что у нас с тобой получается по первому абцугу? Господин X, человек, судя по одежде, не слишком богатый, зачем-то приезжает в столицу, а затем отправляется обратно в Москву. Причём отправляется не как-нибудь, а в пультмановском вагоне, не пожалев денег, в полном одиночестве, наказав не беспокоить себя на протяжении всего пути. Думается, проводник прав, что некое дело ему лишь предстояло. Но не в Москве, а в самом поезде. Поэтому и требовалось, чтобы не было никого постороннего.

– Встреча с кем-либо? – предположил Овчаров.

– Не иначе. Допустим, что некто должен был тайно подсесть в поезд. Скорее всего, не в самой столице, а на одной из остановок. Какие у них могли быть дела?

– Может быть, убитый должен был передать нечто кому-то?

– Возможно... Однако же, и петрушка у нас с тобой получается: некто должен был передать что-то кому-то... Поди туда, не знаю, куда... Чёрт знает что! Но продолжим... Можно предположить, что должна была произойти некая негодия. Либо наш убитый должен был продать что-то, либо купить. Тогда логично допустить, что его поделник пожелал присвоить себе и деньги, и товар, и для этого вначале напоил, а затем убил свою жертву. И обезглавил её, чтобы запутать следствие.

– По-моему, вполне логично, – осторожно заметил Илья Никитич.

– Логично, да... Одно плохо – это наша ничем не подкреплённая фантазия. Хорошо бы у покойника были родные или близкие друзья, тогда есть шанс установить его личность. Кто-нибудь же должен забить тревогу об исчезновении человека...

– Дадим объявления в газеты, может, кто и наклонится?

– Может, может... Правда, опознавать будет сложновато. Добро ещё если на теле есть характерные приметы. Да и то... Ну, кто может их знать? Разве что жена, мать...

– Кольца обручального на убитом не было.

– Тем хуже. Впрочем, его могли украсть...

– Тогда почему не украли запонки? Часы?

– Да, непонятно... Жаль, что на часах нет инициалов – это бы могло упростить дело хоть немного. А хочешь, Илья Никитич, я тебе погадаю? – Романенко прищурился. – Дай сюда руку... А, Впрочем, можешь не давать, я тебе и так предскажу твоё ближайшее будущее. Ждёт тебя, соколик, дальняя дорога по казённой надобности.

– Неужто в столицу хочешь меня снарядить, Васильич? – любопытствовал Овчаров.

– А что ж делать? Справки там навести надо? Надо! Сам я ехать не могу? Не могу! Я ж – начальство! Мне за нашими барбосами надзирать надо и подчищать за ними. Кого ж мне посылать, как не тебя, правую мою руку? Завтра утром отправишься.

– Спасибо, Василь Васильич! – обрадовался Илья Никитич.

– Чему радуешься-то, пустельга?

– Так доверию!

– Ты, главное, доверие это оправдай! Накопай ты в этой серой столице хоть что-нибудь, опроси вокзальных служащих, потолкуй с нашим братом, в гостиницы сунься, трясги их там всех – авось, что и выскочит!

– Сделаю, Василь Васильич!

Где-то вдали раздалось первое ворчание надвигающейся грозы. Романенко прислушался и покачал головой:

– Эх ты, горой тебя раздуй... Ни облачка! Говорил же я тебе – дождь будет... Раз у меня спину заломило – стало быть, верная примета...

Менее всего в этот вечер Петру Андреевичу Вигелю хотелось находиться в театре, пытаться сосредоточиться на разыгрываемом на сцене представлении. Но так хотела Ася, а возражать ей он не смел. Её болезнь стала громом среди ясного неба, и, глядя на похудевшее, бледное лицо жены, Пётр Андреевич каждый раз задавливал в себе парализующую мысль о том, как он, как все они будут жить, если из их дома исчезнет это солнце, ни для кого не жалеющее своих лучей и улыбающееся всем и всему даже сейчас... Анна Степановна настаивала, чтобы Ася поехала в Крым вместе с нею и Николашей, но она отказалась наотрез, объяснив, что дорога будет ей слишком утомительна, что в Крыму нет доктора Жигамонта, которому она доверяет... Но Вигель понял, что истинная причина этого решения жены кроется в другом: она просто не хочет расстаться с ним, она хочет быть с ним в свои, может быть, последние дни. Его долгом было бы самому взять её в Крым, на воды и куда угодно, но служба не отпускала, и Пётр Андреевич терзался ощущением вины перед Асей...

– Пётр, ты идёшь? – окликнул его Володя Олицкий. Он вместе с Надей уже давно обосновался в ложе, ожидая начала представления и от волнения теребя в руке два металлических шарика. Володя подавал надежды уже в ранней юности, но кто бы мог предположить, что к тридцати годам он станет столичной знаменитостью, будет солировать по России и Европе, что музыку его высоко оценят знаменитые композиторы Римский-Корсаков и ректор Московской консерватории Танеев, у которого Володе посчастливилось учиться... Хотя нынешний спектакль был драматическим, но, по дружбе с актёрами, Володя с удовольствием написал для него музыку и несколько романсов, один из которых посвятил Анастасии Вигель... И удивительно было видеть теперь, как этот молодой, но уже вполне маститый композитор волнуется, как новичок, ожидая, как примут спектакль и его музыку.

– Да-да, я скоро, – кивнул Пётр Андреевич. – Звонка ведь ещё не было?

– Ты не пропусти его только. Ты же знаешь, как для меня важно твоё мнение... И мнение Аси тоже... Это очень, очень жаль, что её сегодня нет. Но, как говорится, если гора не идёт к Магомеду... Я днями сам навещу Асю и сыграю ей все романсы и темы этого представления, если только не освистают...

– Неужели ты всерьёз думаешь, что могут освистать?

– Почему бы и нет? Всякое бывает... – пожал плечами Володя и снова скрылся в ложе, а Пётр Андреевич продолжил бродить по фойе, погружившись в невесёлые размышления. Мимо сновали нарядно разодетые дамы и господа, слышался весёлый смех и беззаботная болтовня. Каждый раз, видя в ресторациях, театрах и иных местах эту всевесёлую публику, Вигель испытывал странное чувство, которое сам до конца не мог себе объяснить. Впервые оно посетило его несколько лет назад, в страшный день, когда сотни людей были раздавлены в ужасающей давке на Ходынском поле⁴. Пётр Андреевич ясно помнил, как в одной из рестораций, куда ему случилось зайти, ело, пило и веселилось собравшееся общество, а где-то рядом звенели колокольчики подвод, вёзших страшную поклажу – изуродованные тела людей, явившихся за царскими гостинцами, раздавались стоны и вопли раненых и обезумевших от увиденного и пережитого кошмара, стучали о землю лопаты в руках могильщиков, роющих братскую могилу для погибших... Не менее поразило Вигеля и то, что сам Государь и его свита в тот же день присутствовали на приёме французского посольства, точно никакой трагедии не произошло... Таково было начало нового царствования, и Пётр Андреевич чувствовал, что продолжение его будет не менее горьким. Вспоминалось, что именно схожая трагедия, гибель многих людей, собравшихся посмотреть торжественный фейерверк, стала прологом к царствованию обезглавленного короля Людовика Шестнадцатого. Смерть государя Александра Третьего поразила всех своей внезапностью. Царь казался богатырём. На своих могучих плечах он удержал крышу вагона при крушении царского поезда. Сам Бог велел ему царствовать не одно десятилетие, как его отец и дед, но судьба распорядилась иначе. Гроб с телом покойного Государя привезли в Москву, а следом въехал Государь новый, имевший обидно малое сходство с отцом и не умеющий внушить того верноподданнического чувства, которое одним своим видом внушал тот. Новый Государь производил впечатление человека, вдруг, невольно оказавшегося на чужом месте, слишком высоком для себя, на плечи которого внезапно свалилась страшная ноша, которая придавила его, и которую ему не по силам нести. Впечатление, оставленное прощанием с Императором Александром, видом его сына, трагедией Ходынки и продолжавшимся на фоне её весельем, камнем легло на душу Вигеля, породив в ней дурное предчувствие.

⁴ 26 мая 1896 года в Успенском соборе Московского Кремля состоялась коронация молодого Императора Николая Второго, которому было тогда 28 лет. Во время народного гуляния по случаю коронации на Ходынском поле в собравшейся там полумиллионной толпе возникла давка. Погибли, по официальным данным, 1389 человек, около полутора тысяч получили ранения. А по неофициальным данным, пострадавших было гораздо больше, около 20 тысяч, из них 4 тысячи погибших.

– Всё будет в наилучшем виде, драгоценная Ольга Романовна! Не извольте беспокоиться! Наш театр по гроб жизни будет благодарен вашему мужу и вам...

– Владислав Юрьевич, мой муж всегда считал помощь искусству делом святым, и я разделяю это мнение, а потому вы всегда можете рассчитывать на мою помощь...

Вигель вздрогнул, как от удара током, и даже не осмелился сразу обернуться, услышав этот негромкий, звенящий, как ручеёк, голос, которого он не слышал уже целых двадцать лет... Он узнал бы его из тысяч, сколько бы времени не прошло. Это был её голос. Пётр Андреевич обернулся и увидел в центре фойе Ольгу Романовну... Нет, это была уже не та бедная и забитая нелёгкой сиротской долей барышня, но строгая, занимающая высокое положение дама. Она была одета неброско, но очень дорого: простое по крою тёмное платье, оттеняющее бледность кожи, накидка из дорогого, переливающегося разными цветами меха, бриллиантовые серьги, ожерелье, перстень белого золота и небольшая заколка в высокой, очень идущей ей причёске. Очень просто и очень дорого – безупречный вкус налицо. Внешне Ольга Романовна изменилась мало: та же стройная, даже худощавая фигура, та же бледное лицо с мелкими чертами и почти неестественно крупными глазами, та же тихая печаль на нём. Ни следа важности, надменности, присущей состоятельным дамам. Оторвав взгляд от Ольги, Вигель, наконец, обратил внимание на стоявших рядом с нею людей. Это были полный, среднего роста господин с окладистой бородой и лысым, как колено, черепом, в котором Пётр Андреевич угадал директора театра Авгурского, корнет, неуловимо напоминавший саму Ольгу Романовну, вероятно, её сын, и барышня в белом платье, с непокорными, рыжеватыми волосами и бойким, подвижным лицом.

Вероятно, Вигель столь пристально смотрел на Ольгу, что бойкая барышня заметила это, и, тронув её за рукав, что-то шепнула. Ольга Романовна отвела взгляд от Авгурского и увидела Петра Андреевича. Вигель понял, что она узнала его, и что уйти теперь было бы не совсем удобно. Подойдя ближе, он почтительно склонил голову:

– Здравствуйте, Ольга Романовна.

– Здравствуйте, Пётр Андреевич, – прозвучало в ответ. – Не ожидала вас здесь встретить...

– И я не ожидал. Вы прекрасно выглядите, Ольга Романовна.

– Благодарю. Позвольте вам представить: Владислав Юрьевич Авгурский, директор театра.

– Моё почтение, – кивнул Авгурский.

– Мой сын Пётр, корнет X... ого полка. Моя дочь Лидинька. Господа, это мой старый друг Пётр Андреевич Вигель.

– Друг? А почему он никогда у нас не бывал? – спросила Лидинька.

– Так сложилась, – неопределённо ответила ей мать.

В этот момент раздался первый звонок.

– О, мне надо бежать! Тысяча извинений! – засуетился Авгурский и исчез.

– Я полагаю, мы увидимся в антракте, Пётр Андреевич? – спросила Ольга.

– Да-да, разумеется... – кивнул Вигель.

В зале они сидели далеко друг от друга, в разных ложах, и Пётр Андреевич время от времени переводил взгляд со сцены в темноту, где виднелась фигура Ольги. Он мог бы дать голову на отсечение, что и она смотрит в этот миг не на сцену... Спектакль шёл, а Вигель никак не мог сосредоточиться на нём. А ведь необходимо было смотреть внимательно: Ася просила подробно пересказать... Да и перед Олицкими неудобно. Володя ёрзал на своём месте не в силах сдержать волнения.

– Бог ты мой, что ты так переживаешь? – шептала ему Надя. – Ведь это даже не новый симфонический концерт!

– Тебе этого не понять, – резонно отвечал Олицкий.

Во время антракта Пётр Андреевич вышел из театра и, остановившись на ступеньках, глубоко вдохнул душный в преддверье надвигающейся грозы воздух. Очень хотелось закурить. Впервые за долгие годы. «Вредную привычку» Ася заставила бросить его ещё во время своей беременности, объясняя, что ей становится дурно от малейшего запаха табака. Позади послышался шорох платья. Вигель обернулся и увидел стоявшую на ступенях Ольгу, зябко кутающую плечи в меховую накидку.

– Какой холодный ветер... – негромко сказала она.

– Осень приближается, Ольга Романовна.

– Да... Осень... Как, однако, странно всё...

– Что странно?

– Мы не виделись с вами двадцать лет, и вдруг эта встреча...

– Мой друг написал музыку к этому спектаклю и очень просил прийти.

– Так князь Олицкий ваш друг?

– Да, а вы с ним знакомы?

– Немного. Я ведь часто бываю в этом театре, знаю все спектакли, актёров, художников...

– Я заметил, что директор едва ли не заискивает перед вами.

– Он не заискивает, просто старается быть любезным. Ведь, если бы не Сергей Сергеевич, то этого театра не было бы. После выставок театр стал его любимым детищем. Он сам нашёл архитекторов, сам утверждал план, следил буквально за каждой мелочью – ни на что не поскупился. Прежде Владислав Юрьевич вынужден был ставить свои спектакли, где придётся, а Сергей Сергеевич, однажды увидев его постановку, пришёл в восторг и заявил, что такой талантливый художник должен иметь свой театр. Он так любил всё прекрасное, так по-детски радовался каждому новому таланту, так старался поддержать все проявления подлинного искусства...

– Да, ваш муж был одним из наиболее известных меценатов в Москве... Я читал некрологи о нём в газетах. Примите соболезнования.

– Спасибо, – Ольга Романовна опустила глаза.

– Теперь вы продолжаете его дело? – спросил Вигель.

– Да. Сергей Сергеевич был влюблён в искусство, во всё талантливое и за годы совместной жизни привил и мне эту страсть. Последние годы он был болен, и я много занималась делами. Но... теперь всё иначе! Сергей Сергеевич меня многому научил, но, пока он был жив, я чувствовала, что есть кому поправить меня, дать совет, поддержать, а теперь, когда его не стало, то я не чувствую прежней уверенности – всё приходится разбирать самой.

– Вам очень не хватает вашего мужа?

– Да, Пётр Андреевич, мне не хватает его. Он был мне как отец... Первое время после его смерти я не находила себе места, а потом окунулась в дела, которые остались после него, и стало легче, потому что во всех этих начинаниях живёт его частичка, и я знаю, что продолжаю в каком-то смысле не только его дело, но и саму его жизнь в памяти людей. И всё-таки многое изменилось. Прежде в нашем доме всегда было так много народа: художники, актёры, поэты, музыканты... Сергей Сергеевич, даже прикованный к постели, никому не отказывал в приёме. Он очень любил общество, а ко всем этим талантам относился, как к родным детям... Его все очень любили. А я... У меня не хватает сердца, чтобы поддерживать эту атмосферу. Дома стало пусто, заходят лишь самые близкие друзья... И не у кого ни совета, ни поддержки спросить.

– Но ведь у вас есть сёстры, взрослый сын, – заметил Пётр Андреевич.

– У сестёр своя жизнь. Обе они, слава Богу, вышли замуж по любви, у обеих семьи. В Москве их нет. А сын... Сергей Сергеевич очень надеялся, что он продолжит его дело, но Петруша с малых лет избрал другое поприще. Он просто бредил военной службой, мы не посмели противиться этому желанию. Если человек так остро осознаёт призвание к чему-то, то нельзя мешать – можно исковеркать судьбу. Петя очень способный мальчик, он на хоро-

шем счету в полку... Только всё время торопится! Вот, и теперь, забежал ненадолго и уехал в полк... У его друга сегодня день рождения, так они будут праздновать, а я и наглядеться на него не успеваю.

– Он очень похож на вас.

– Да, похож... – согласилась Ольга и почему-то отвела глаза. – Скажите мне, Пётр Андреевич, вы не держите на меня зата? За то, давнишнее? Вы простили меня?

– Простил, Ольга Романовна. Я не имел права упрекать вас ни в чём, так что и вы простите.

– Как же вы живёте теперь?

Первые тяжёлые капли дождя ударились о пыльную мостовую, и ветер взметнул столп пыли, заколыхал деревья. Пётр Андреевич глядывался в лицо Ольги. Совсем не изменилась... Вот, также смотрела она на него двадцать лет назад своими распахнутыми глазами, замёрзшая, кутающаяся в старый салоп, также негромко журчал её голос, та же печаль таилась в уголках губ, во взгляде...

– Живу, Ольга Романовна, как все люди живут. Служба, семья – в общем-то, и рассказывать особенно не о чем.

– А я в газетах читала о вас. И о Немировском... Он служит ещё?

– Да...

– Я помню его. Подумала тогда ещё глупо: разве могут быть у следователя со стажем такие солнечные глаза...

– Да разве вы встречались? – удивился Вигель.

– Один раз. Вы тогда ранены были, а я не знала, у кого спросить о вас. Дольше часа на морозе простояла, ждала, пока ваш начальник выйдет, чтобы узнать, как вы... Я должна была знать, иначе бы просто места себе не нашла.

– Он не говорил мне о том, что вы приходили...

Из дверей театра выбежал одетый в средневековое платье человек в каком-то немислимом гриме:

– Ольга Романовна, вот вы где! А мы уже вас ищем! Антракт-то заканчивается. Просим в зал, просим в зал!

– Конечно, Серёжа, я уже иду, – кивнула Ольга.

– Кто это? – любопытствовал Вигель.

– Это? Актёр Кудрявцев. Он у Авгурского во всех спектаклях занят. Огромный талант. Лидинька от него без ума... Сейчас как раз его выход. Идёмте, Пётр Андреевич. Вас ведь тоже ждут...

После спектакля Ольга Романовна тотчас уехала, отказавшись от участия в банкете под предлогом разыгравшейся мигрени. Вигель видел лишь, как она покидала свою ложу в сопровождении дочери и толстяка Авгурского. Представление прошло «на ура», зрители провожали актёров бурными овациями, и на сцену время от времени летели букеты. Володя, наконец, успокоился и довольно потёр подбородок.

– Поздравляю с очередным успехом, – сказал ему Пётр Андреевич.

– Ах, дружище, успех – коварная штука. Чем его больше, тем страшнее становится неудача! – ответил Олицкий.

– Ты когда-нибудь бываешь доволен?

– Не обращай на него внимания, – подала голос Надя, оправляя платье. – Это болезнь творческих людей – постоянное ощущение несовершенности своих творений, самоедство и страх провала.

– Любое произведение несовершенно, потому что нет предела совершенству, – философски заметил Вигель.

– Ты останешься на банкет? – спросил Володя.

– Нет, не могу. Ты же знаешь, Ася нездорова, я должен возвращаться.

– Да, конечно. Передавай ей нижайший поклон от нас и наши самые сердечные пожелания и скажи, что на днях мы навестим её.

– Она будет рада вас видеть.

Раскланявшись с Олицкими, Пётр Андреевич покинул театр. Гроза разбушевалась вовсю, но промокшие ямщики, не обращая внимания на непогоду, сидели на козлах, резонно предполагая, что в такую погоду желающих идти пешком даже до ближайшего переулочка окажется немного. Вигель нанял одну из пролёток с поднятым верхом и велел извозчику ехать медленно, чем немало удивил его.

От театра до Страстного бульвара, где несколько лет назад он обосновался с семьёй, расстояние было невелико, а Вигель ясно чувствовал, что нужно привести мысли и чувства в порядок, прежде чем явиться к ожидающей его жене. Всего бы лучше теперь было поехать в какой-нибудь трактир, выпить рюмку кизлярской, посидеть и обдумать всё спокойно, но час был поздний, а Ася никогда не смыкала глаз, не дождавшись возвращения мужа. Лошадь медленно трусила по мокрой мостовой, дождь хлестал по фордеку, а Пётр Андреевич смотрел в одну точку и видел перед собой лицо Ольги. Нет, не нужно было поддаваться на уговоры Аси и ехать в театр. Остался бы он в этот вечер дома, и не случилось бы этой встречи, разом всколыхнувшей память о далёких прекрасных днях, о любви, которую Вигель так и не смог изгнать из своего сердца. Он сумел лишь временно забыть о ней, но, стоило напомнить, и будто бы не было этих двадцати лет... А она? Ольга? Теперь богатая вдова, меценатка, поэты посвящают ей стихи, а музыканты романсы... Покровительница муз! Она искренне оплакивает покойного мужа, от которого родила двоих детей... Но её глаза, её взгляд не мог обмануть Вигеля. Она тоже ничего не забыла... Она читала о нём в газетах, как и он – о её муже... И зачем теперь нужна была эта встреча? Там, в доме на углу Страстного бульвара его ждёт любящая женщина, жена, родившая ему сына, а теперь, может быть, умирающая, а он явится к ней с растравленной душой, с сердцем, наполненным разбуженными чувствами к другой женщине, с головой, наполненной мыслями о другой – и как смотреть ей в глаза? Лишь бы она не догадалась ни о чём. Нанести, пусть и невольно, малейшую обиду этому безмерно дорогому для него существу Пётр Андреевич не мог и не простил бы себе этого.

– Приехали, барин.

Приехали... Вот, она – редакция «Московских ведомостей». А совсем рядом – дом философа Льва Тихомирова, бывшего народника, перешедшего в стан убеждённых монархистов и охранителей и ставшего одной из самых одиозных фигур наряду с Победоносцевым для прогрессистов. Вигель не раз читал его статьи, как читал их и Николай Степанович Немировский, оценивавший их, как «редкий здравый голос среди хора помешанных». Пару раз на улице встречал Пётр Андреевич и самого Тихомирова, сухопарого, бледного пожилого человека в огромных роговых очках, неизменно хмурого и погружённого в свои мысли. Пётр Андреевич учтиво снимал шляпу, получал в ответ столь же учтивый кивок, но заговорить с философом ни разу не решился. Повода не было, а отвлекать человека досужими разговорами казалось Вигелю, по меньшей мере, бестактным и глупым...

Расплатившись с извозчиком, Пётр Андреевич зашагал по лужам к своему дому. Кроме него и его семьи в нём жили Немировский с сестрой и старуха-кухарка Соня. Именно она, заспанная и сердитая, открыла ему дверь:

– И что же это ты, голубчик, по ночам да в такую грозу ходишь? Небось, и вымок весь...

– Николай Степанович пришёл уже?

– А то как же. Николай-то Степанович старой закалки человек, он всё вовремя делает. Ныне спит уже, должно.

– А Анастасия Григорьевна?

– И она поживает уже. Ох ты, Господи... Первый раз на моём веку не дождалась тебя, сомлела, голубушка. Доктор уж настоял, чтобы легла, капель ей каких-то дал... И за что ж беда такая?..

– Иди и ты спать, Соня. Прости, что разбудил. А уж я сам тут справлюсь.

– Чаю горяченького испей. Простудишься, не дай Господи. Самоварчик-то горячий ещё.

– Спасибо, Соня.

Старуха скрылась в своей комнатухе, а Пётр Андреевич прошёл на кухню. Первый раз не дождалась его Ася... А он почти и рад этому: уж слишком тяжело было бы теперь играть перед ней, рассказывать в красках о спектакле и умалчивать о том, что огнём обжигало душу... Вот, завтра с утра – другое дело. Утро вечера мудренее...

Офицерская столовая Х... ого полка гудела, как пчелиный улей, когда Петя Тягаев переступил её порог. Тотчас к нему с приветственным криком бросился виновник торжества и лучший друг ещё со времен кадетского корпуса Адя Обресков, невысокий, кажущийся в силу сложения моложе своих лет юнец с едва пробивавшимся над верхней губой пухом. Адя, несмотря на всю негероичность фигуры, был способным офицером, преданным другом, а, в иных случаях, мог и выкинуть какой-нибудь фортель в гусарском духе, стараясь походить на старших товарищей. В этих проказах не раз сопутствовал ему и Петя. Не так давно молодые офицеры просадили изрядную сумму в «Яре», стремясь таким образом поддержать престиж полка. Сумма была столь велика, что история могла бы окончиться скандалом, если бы покойный отец Пети, строго отчитав сына, не расплатился за его кутёж. Это стало для корнета Тягаева хорошим уроком и впредь он гораздо строже стал относиться к себе и ко всякого рода проказам и стал считаться одним из самых примерных офицеров в полку. Петя не стремился обогнать товарищей в сомнительных удалствах, имея изначально перед собой главную цель – сделать военную карьеру. С детства он зачитывался книгами о героях, о подвигах, о войнах всех времён и народов. В его комнате соседствовали портреты великих полководцев, среди которых на самых почётных местах – Суворов и Скобелев. Как жалел Петя, что родился поздно и не успел поучаствовать в славных делах «белого генерала» на Балканах! Приходилось уповать только на то, что, как говорил полковник Дукатов, обнадеживая своих подопечных, «и на ваш век войны хватит».

В детстве Петя Тягаев отличался слабым здоровьем, но перед глазами мальчика был пример великого Суворова, сумевшего в юных годах одолеть телесную немощь, благодаря силе духа, целеустремлённости и постоянному закаливанию своего тела. И Петя старался походить изо всех сил на своего кумира. Он сумел побороть недуги, стать выносливым, сильным и ловким, и, с благословения родителей, поступил в кадетский корпус. Плох тот солдат, который не мечтал бы стать генералом. Петя Тягаев отличался честолюбием и финал своей карьеры видел именно в чине генерала. Никак не меньше. Единственным иным финалом могла быть геройская гибель на поле брани. О, сколько раз рисовалась в юношеском воображении картина: поле боя, и он, подобно Андрею Болконскому, идущий вперёд со знаменем в руках, он, увлекающий за собой других... И, вот, отступает неприятель, и гремит слава русского оружия, а он, герой, падает сражённый, но победивший и покрывший себя воинской славой! Или же иная картина: поле боя, и он, генерал Тягаев «манием руки» двигающий победоносные полки на врага... Дух захватывало от этих мечтаний! Редко кому Петя рассказывал о них. Единственным человеком, от которого секретов не существовало, был Адя. Напрочь лишённый честолюбия, он искренне верил в талант и счастливую звезду своего друга. Когда-то в кадетском корпусе они поклялись всегда быть преданными друг другу, следовать во всём рыцарскому кодексу, первое место в котором занимало слово «Честь»... А ещё были заповеди воина, составленные Марком Аврелием. Петя выучил их наизусть и взял себе девиз: делай, что должен, и будь, что будет.

– Ну, наконец-то ты пришёл! – радостно кричал Адя, веселясь, словно ласковый щенок. – Я тебя заждался! Мы уже начали немного без тебя...

То, что «начали», было заметно. Адя уже явно был навеселе, ворот мундира его был расстегнут, и Петя отметил это про себя с чувством неудовольствия от такого пренебрежительного отношения к форме.

– Садись, брат, садись! Выпьем шампанского, пока оно ещё осталось!

– Что Разгромов? Здесь ли? – осведомился Пётр, усаживаясь за стол, и обводя глазами собрание.

– Ещё не появлялся, но ждём, – ответил Адя, наполняя бокал друга вином. – Зато *племянник* – здесь. Мрачный, как чёрт знает что! Такое ощущение, что готов испепелить весь мир единым взглядом!

Племянником в полку именовали подпоручика Михаила Дагомыжского, родного племянника генерала Дагомыжского, начальствовавшего над оным полком. Петя знал поручика ещё по кадетскому корпусу, в котором тот исполнял роль его «дядьки». Такова была традиция: старшие кадеты брали шефство над младшими, именуемыми «зверьями». У каждого «дядьки» был свой «зверь», которым он имел право командовать. Петя Тягаев был «зверем» Дагомыжского. Ничего оскорбительного в этом положении не было, если бы не нрав самого Михаила, взбалмошного и несдержанного, которого Петя объективно считал плохим офицером и ставил ниже себя, а потому малейшее помыкание и неуважение воспринимал с едва сдерживаемым раздражением. В полку Михаил Дагомыжский ни с кем близко не сошёлся, держался особняком. Поговаривали о том, что он страстный игрок, что живёт с тайной женой, но никаких объективных свидетельств тому не было. Сослуживцы подпоручика недолюбливали за скрытность, а он не искал их расположения... И в этот вечер Михаил сидел в стороне ото всех, мрачный, злой и, кажется, уже успевший сильно захмелеть.

– Разгромов! Разгромов! – пронеслось внезапно по клубу.

Петя взглянул в окно и увидел выходящего из трамвая Разгромова.

– Опять проигрался... – констатировал Адя. – Дивный человек!

Отставной поручик Разгромов, несмотря на то, что уже не служил в полку, оставался кумиром для многих молодых офицеров. Перед его магнетизмом не смог устоять даже Петя Тягаев, хоть и стыдился он этой своей слабости... Впрочем, мало нашлось бы людей, как мужчин, так и женщин, которые смогли бы остаться равнодушными к этому человеку.

Виктор Разгромов происходил из аристократической семьи, обладал превосходными манерами, вкусом и более чем привлекательной внешностью. Высокая, подтянутая фигура, мужественное, красивое, гордое лицо с тёмными, таящими какую-то загадку глазами и губами, с которых не сходила лёгкая, ироническая усмешка, с высоким бледным лбом и чёрными, как смоль волосами – таков был Разгромов. Многие называли его «демоном», хотя отставной поручик вовсе не был зол или мрачен. Напротив: он, казалось, был открыт всем, всегда весел и остроумен, всегда готов ссудить деньгами, если только они у него были – душа любого общества. Разгромов мог поддержать любой разговор, знал бесчисленное количество забавных анекдотов и занимательных историй, превосходно читал стихи и пел цыганские романсы. Он был вальяжен и немного небрежен, что, впрочем, шло к его аристократической внешности. За Разгровым тянулась слава игрока, неисправимого Дон Жуана и дуэлянта. Он отличался сумасшедшей храбростью, граничащей с безрассудством. Ему ничего не стоило сыграть «для потехи» в русскую рулетку, укротить самого бешеного коня, от которого шарахались даже опытные жокеи. Разгромов не дорожил ни своей, ни чужой жизнью, хотя при этом отличался завидным жизнелюбием. Он любил повторять слова Пугачёва о том, что лучше год прожить орлом, чем век – вороном. Доподлинно известно было, что отец оставил Виктору небольшое состояние, которое тот благополучно спустил. Каждые выходные Разгромов играл на скачках. Случалось выигрывать крупные суммы, но они недолго задерживались у него, расходясь по бумажникам креди-

торов, карманам друзей, не имевших привычки возвращать долгов, ресторациям, певичкам, портным... После выигрыша Разгромов облачался в дорогой костюм, нанимал самый дорогой экипаж и разъезжал по самым дорогим заведениям Москвы, швыряя деньги направо и налево и слывя чуть ли не миллионщиком. Потом деньги заканчивались, и Разгромов привычно закладывал свои золотые часы, пускал всё своё обаяние, чтобы квартирная хозяйка отсрочила срок платежа и передвигался по городу пешком или на трамвае, сохраняя при этом вид абсолютного хозяина жизни и миллионщика. О любовных похождениях Разгромова ходили легенды. Поговаривали, что влюблённая в него цыганская певица во время исполнения романса отравилась прямо на его глазах. Ряд скандалов заставили весёлого поручика оставить военную службу, но он продолжал частенько навещать товарищей и бывать в офицерском собрании, куда его пускали без малейших возражений, и где он иной раз просиживал целые вечера. Даже уйдя из полка, Разгромов продолжал оставаться его своеобразным достоянием, гордостью...

Облачённый в белый костюм, с тростью на перевес, Разгромов переступил порог собрания с таким видом, словно прибыл сюда не на трамвае, а в собственном экипаже с дюжиной лакеев.

– Добрый вечер, господа! – громко сказал он густым, хорошо поставленным голосом.

Его тотчас окружили молодые офицеры, посыпались шуточки и остроты. Подойдя к имениннику, Разгромов протянул ему небольшой футляр:

– Поздравляю, корнет! Примите этот скромный подарок!

В футляре оказался кавказский кинжал старинной работы, и Петя легко догадался, что отставной поручик приобрёл его у старьёвщиков на Сухаревке, сбив цену, как минимум, вдвое. В умении торговаться, как и во владении саблей и пистолетом, Разгромову также не было равных. Корнет Тягаев однажды оказался на Сухаревке в его компании и не мог не восхититься этим умением. Даже торговцы разводили руками от такого напора:

– Грех вам, барин, нас обирать!

– Оберешь вас, как же! Вы-то эту вещицу у жулья с Хитровки почём взять согласились?

– Господь с вами, барин! Какая-токая Хитровка?

– А хочешь, борода, я тебе доподлинно скажу, у кого эта вещица на прошлой неделе украдена была?

Знал ли Разгромов, на самом деле, о происхождении той или иной вещи? Скорее всего, нет. Но говорил он так убедительно, что торговцы предпочитали с ним не связываться и сбавляли цену.

Кинжал, подаренный Аде, стоил явно недёшево, и Петя в очередной раз подивился, как уживается в одном человеке столько противоречивых качеств: и удивительное умение торговаться, и отчаянное мотовство и безграничная щедрость.

Устроившись на своём излюбленном месте, которое никто никогда не занимал, Разгромов взял гитару и затянул один из романсов собственного сочинения на стихи Константина Бальмонта, исполнять которые был он непревзойдённым мастером:

– Заводь спит. Молчит вода зеркальная.

Только там, где дремлют камыши,

Чья-то песня слышится, печальная,

Как последний вздох души.

Это плачет лебедь умирающий,

Он с своим прошедшим говорит,

А на небе вечер догорающий

И горит и не горит.

Отчего так грустны эти жалобы?
Отчего так бьется эта грудь?
В этот миг душа его желала бы
Невозвратное вернуть.

Все, чем жил с тревогой, с наслаждением,
Все, на что надеялась любовь,
Проскользнуло быстрым сновидением,
Никогда не вспыхнет вновь.

Все, на чем печать непоправимого,
Белый лебедь в этой песне слил,
Точно он у озера родимого
О прощении молил.

И когда блеснули звезды дальние,
И когда туман вставал в глуши,
Лебедь пел все тише, все печальнее,
И шептались камыши.

Не живой он пел, а умирающий,
Оттого он пел в предсмертный час,
Что пред смертью, вечной, примиряющей,
Видел правду в первый раз.

Внезапно кто-то с грохотом отодвинул стул. Это поднялся со своего места подпоручик Дагомыжский.

– Что с вами, подпоручик? – спросил Разгромов, продолжая перебирать струны.

– Мне не нравится ваша песня! От неё хочется пустить пулю в лоб!

– В свой или в чей-нибудь? – по губам Разгромова скользнула усмешка.

– Или в ваш!

– Вот оно что... Что ж, я бы предоставил вам такое удовольствие, если бы вы были теперь трезвы, а от пьяных ссор увольте. Это, друг вы мой, моветон!

– Оставьте ваш тон, господин наглец! – вспыхнул Дагомыжский.

– Господин подпоручик, по-моему, вам лучше уйти, – сказал Адя взволнованным голосом.

– Не вам указывать мне на дверь! Вы... вы... Щенок! Какого чёрта вы бегаєте за этим франтом, который оказался не достоин даже носить чин офицера?! Это же позор, корнет! Имейте самоуважение! Вам доставляет удовольствие слушать идиотские истории о его любовных похождениях, потому что вам их не хватает самому?!

Дагомыжский был смертельно пьян, но последний укол попал точно в цель. Адя, стесняясь своей слишком юной внешности, всегда робел в женском обществе, и дамы не воспринимали его всерьёз. Побледнев, он вскрикнул, срываясь на фальцет:

– Немедленно возьмите свои слова назад, или я требую сатисфакции!

– Да пойдите вы к чёрту, корнет! – Дагомыжский занёс было руку, но в тот же момент получил мощный удар, от которого рухнул на пол и с изумлением уставился на стоявшего перед ним корнета Тягаева.

– Уходите, господин подпоручик, – сказал Петя ровным голосом. – Ваша выходка позорит полк, и я вынужден буду рапортовать о ней завтра командиру.

– Что-о?.. – глухо зарычал поручик, вращая налившимися кровью глазами. – Это ещё всякое зверье будет мне приказывать?!

Вскочив, Дагомыжский выхватил саблю, но несколько офицеров схватили разбушевавшегося подпоручика за руки, и Тягаев по приказу старшего офицера забрал у него оружие:

– Вашу саблю возвратят вам с утра, когда вы придёте в себя.

Дагомыжский выругался и, растолкав собравшихся, покинул собрание, исчезнув в безлунной ночи, тишину которой разрывали гулкие раскаты грома.

Офицеры ещё некоторое время обсуждали досадный инцидент и беспардонное поведение Михаила, а затем вновь разошлись к столам продолжать прерванный банкет. Лишь Адя продолжал волноваться:

– Мерзавец! Если он племянник генерала, так думает, что ему всё позволено?

– Брось, – махнул рукой Петя. – Генерал сам недолюбливает его.

– Генерал недолюбливает всех. Но, однако же, я не могу этого оставить так! Я завтра же вызову его на дуэль! Будешь моим секундантом?

– Нет, не буду.

– Но почему?

– Потому что глупо вызывать на дуэль негодяя, который наговорил чёрт знает что в пьяной горячке. Могу поклясться, что завтра утром он насилу сможет вспомнить, что здесь происходило.

– Вы, корнет, рассуждаете серьёзно не по летам, – заметил Разгромов, на протяжении всего происшествия сохранявший свою обычную невозмутимость. – Клянусь рогами вельзевула, что вы очень скоро получите чин поручика, а, не пройдёт и нескольких лет, как станете капитаном. Примите моё уважение: вы выглядели крайне достойно в этой неприятной сцене, и удар был отмененный.

– Благодарю, я лишь выполнил свой долг. Счастье, что полковник Дукатов не был свидетелем этой сцены. Он был бы взбешён...

– Вам всё равно придётся докладывать ему о случившемся.

– Увы... – вздохнул Петя и усмехнулся, припомнив любимую поговорку полковника на мотив модной песенки: – Мама, мама, что мы будем делать?

– Пить шампанское и веселиться! – отозвался Разгромов.

– Я всё-таки настаиваю на сатисфакции... – сказал Адя.

– Бросьте, юноша! Я вас понимаю. Я сам в ваши годы изрубил бы этого наглеца прямо здесь, но это неумно, поверьте. Дагомыжский хороший стрелок и фехтовальщик, а вам, простите, ещё надо совершенствоваться в этом. Зачем же спешить подставлять свой лоб холодному свинцу, когда жизнь позаботится предоставить вам для этого множество куда более достойных поводов!

– И это говорите вы, с вашей славой дуэлянта?

– Я – другое дело. Во-первых, я не даю промаха никогда, и сабля – продолжение моей руки. Во-вторых, мне скучно, и дуэль – один из хороших способов хоть немного пощекотать нервы, хотя и он уже мало помогает. Ну, а вам-то скучать рано! Ваша жизнь только начинается, вы ещё столько не испытали в ней! Не торопитесь на тот свет, пока не узнаете этот, – Разгромов вынул дорогой портсигар с не менее дорогими сигарами. – Угощайтесь, господа!

Петя отказался, а Адя с ребяческим любопытством схватил одну из сигар, закурил, закашлялся:

– Прошу простить, господа, – и отошёл от стола.

Тягаев отпил немного вина и сказал:

– Я давно хотел спросить вас, Разгромов. Вы не жалеете о том, что оставили службу?

– Какое это имеет значение? У меня, Тягаев, принцип: никогда не жалеть о том, чего уже не представляется возможным изменить.

– А Дукатов жалеет, что вам пришлось уйти из полка. Он очень ценил вас и до сих пор на занятиях приводит в пример.

– Что и говорить, наш полковник славный человек, хоть и производит впечатление крепостника из какого-нибудь медвежьего угла. Нет, Тягаев, я ни о чём не жалею. Чинолюбие мне не свойственно, да и дисциплина – не моя стезя. Муштра, отдание чести... Не каждому человеку подходит такая жизнь. Я не терплю системы, догмы. Я вольный казак, Тягаев! Родись я двумя столетиями прежде, так, пожалуй, со Стёпкой Разиным или Емелькой Пугачёвым разгулялся бы во всю Ивановскую!

– Так вы бунтарь?

– Ещё какой!

– Так ведь бунтари и теперь есть... – заметил Петя.

– Какие это бунтари! Социалисты? Народники? Террористы? Бог с вами, Тягаев! Учёные люди, группирующиеся в партии, служащие своей догме... Та же дисциплина, та же иерархичность, та же догма, то же навязывание чужой воли! Они ратуют за свободу, но не для всех! А для своих! Мы с вами, Тягаев, в число таковых не входим. Да только и «своим» свободы не будет, потому что над каждым из них будет догма, начальство, партийный устав – и ни единой собственной, не проверенной на верность идее мысли! Вот, их свобода! Конечно, кроме этих господ есть ещё застрельщики, бомбисты, рядовой состав, так сказать. Из студентов-недоучек, обиженных на жизнь, которой и попробовать не пожелали. Этих я презираю. Их бы в Обуховскую больницу всех свезти или драть, как в старые времена, чтобы дурь из головы вышла. Они свою волю подчиняют этим мерзавцам-доктринерам, смотрящим на них, как на стадо, которому рано или поздно суждено пойти на закланье ради утоления аппетита хозяина. Ничтожные, глупые людишки! А их хозяев я, моя бы воля, перевешал на фонарях... Они власти хотят, своей абсолютной деспотии, а я воли хочу и больше ничего!

– А вы анархист, Разгромов.

– Открещиваться не буду, так и есть. Но анархизм – естественная черта русского человека. Для русского человека нет авторитетов. Не в нигилистическом смысле, нет, а в его вековом, православном. Знаете ли, Тягаев, что однажды изрёк наш знаменитый славянофил Хомяков? «Христос для меня не авторитет, а Истина!» Вот, Тягаев, в чём дело! Авторитет – это не для русского человека. Для русского человека – Правда. Правда единственная, не правда лагеря, а Правда божеская! Любовь! Наш русский человек перед своими героями не преклоняется рабски, а любит их! И Царя русский человек не уважал, а любил, как отца, как некое воплощение Правды на земле. Поэтому я и говорю, что русский человек – анархист, по существу своему. Потому что он Правды ищет, а не хозяина, и любит лишь того, в ком Правда эта ему покажется. Я за того, кого люблю, лютую смерть приму, но не пытайтесь заставить меня целовать ему сапоги – не стану, хоть на куски рвите!

– Вы всё-таки большой оригинал, Разгромов. Не думал я от вас услышать проповедь анархизма и божеской правды. Откровенно говоря, мне всегда казалось, что вы в Бога не веруете.

Разгромов задумался:

– А чёрт знает... Я и сам не разберу, верую или нет. А, вот, вы, Тягаев, образец служивого человека. Быть вам генералом, если только не убьют прежде на войне!

– Так ведь нет войны.

– Вас это огорчает?

– Разумеется, да! Я избрал воинскую службу, чтобы воевать, а перспектива провести всю жизнь в этой казарме меня вовсе не прельщает.

– Не беспокойтесь, корнет... Верьте слову, новый век принесёт нам столько войн и крови, что мы все ещё взмолимся о мирных днях.

– А что станете делать вы, если начнётся война?

– Естественно, отправлюсь на неё. Война – хороший способ разогнать застоявшуюся кровь, размять затёкшие мускулы, развеять из головы дурман нашей мирной жизни... Кстати, куда запропастился ваш приятель Обресков? Ему надоело наше общество?

– В самом деле, пойду поищу его, – Петя поднялся и направился к дверям собрания, слыша краем уха, как Разгромов произнёс, обращаясь к офицерам:

– Прежде здесь было веселее, господа!..

Гомон голосов и гитарные аккорды остались позади, а Петя очутился на улице, где всё ещё свирепствовала гроза, и ничего невозможно было разглядеть в кромешном мраке этой непогожей ночи.

Глава 2

Полицейская пролётка быстро мчалась по ещё не высохшим после бывшей накануне грозы улицам, на которых в этот ранний час уже начиналась повседневная жизнь москвичей. Семенили чиновники в свои конторы, спешили за покупками к Китайской стене дородные хозяйки, мелькали торговцы, зазывающие купить свой товар... Некоторые поглядывали вслед пролётке:

– Никак рестовывать кого покатили!

Николай Степанович Немировский скользил взглядом по улицам и вертел в руках свою неизменную тавлинку. На его морщинистом лице застыло выражение озабоченности, в которой Вигель угадывал что-то большее, чем мысли о новом деле. Годы службы состарили Николая Степановича. Он как-то высох, черты лица заострились, морщины углубились, а некогда стальной шлем густых, спадавших чубом на лоб волос, сделался теперь белоснежным. Однако, всё так же молодо поблёскивали лучистые глаза старого следователя, и его движения не приобрели старческой медлительности, но остались лёгкими, быстрыми и чёткими.

– Нет, пора уходить на покой... – наконец, вымолвил Немировский. – Все порядочные люди, дожив до почтенных лет, в такой час посиживают себе дома, пьют чай со свежими чувскими булками, читают книги, а у ног их лежат верные собаки с умными глазами, и соловьи посвистывают, а тут чуть свет приходится срываться к чёрту на кулички, потому что очередному уж наверняка благородному человеку пришла блажь отправить на тот свет своего ближнего!

– Вы не в духе сегодня, Николай Степанович, – заметил Вигель, успевший привыкнуть к таким речам своего наставника. – Вы ещё десять лет назад хотели уйти на покой.

– И глупо сделал, что не ушёл... – Немировский вдруг внимательно взглянул на Петра Андреевича. – Ты рассказал бы мне, Кот Иванович, давно ли ты встретил её?

– Кого? – зачем-то спросил Вигель.

Немировский достал из внутреннего кармана сложный вчетверо рисунок, который Пётр Андреевич набросал, вернувшись вечером из театра:

– Ты хотя бы не раскладывал подобные улики по кухонным столам...

– Это... старый рисунок... Наверное, выпал случайно... – Вигель покраснел, чувствуя, что глупо и напрасно соврал.

– Ты, Пётр Андреич, кому на грош пятаков дать пытаешься? Вряд ли двадцать лет назад это прелестное создание носило такие накладки и такие камни!

– Простите, Николай Степанович, сам не знаю, что говорю, – Пётр Андреевич провёл рукой по лбу. – Я встретил её вчера в театре. Случайно. Я не хотел идти на этот спектакль, но Ася настояла... А Ольга была на премьере с дочерью и сыном... Оказалось, что этот театр был создан на деньги её мужа, и после его смерти она оказывает ему поддержку... Вот и всё!

– Всё, – Немировский усмехнулся. – Только не говори мне, что, встретив её, ты не вспомнил прежнего, не пожалел о том, что потерял, тем более зная о её вдовстве...

– Какое это имеет значение? Я никогда не забывал Ольгу – это правда. И я никогда не скрывал этого. Но правда и то, что я больше не увижусь с ней.

– Не зарекайся. В Божием мире ничего нельзя знать наперёд. И того, что суждено, нашей волей не переменить...

– О чём это вы, Николай Степанович?

– Неважно. Я лишь об одном хотел сказать... Ася должна быть спокойна. Мы с тобой оба знаем, что вероятность того, что она поправится, крайне мала. Так вот её последние дни не должны быть омрачены ничем!

Пётр Андреевич почувствовал, как тяжело было Немировскому произнести эти слова, и ответил тихо:

– Неужели вы могли подумать, Николай Степанович, что я посмею хоть чем-то обидеть или огорчить Асю? Поверьте, что для меня сейчас нет более дорогого существа. И я бы первый не простил себе, если бы причинил ей боль.

– Рад слышать, – кивнул Немировский. – И ещё, будь добр, не пытайся врать мне. Лучше сам приди и расскажи всё, как есть, а я уж постараюсь понять.

– Простите, Николай Степанович.

– Простить – ничто, было бы за что! – старый следователь тепло улыбнулся. – Рисунок свой заberi. Я его забрал, чтобы Ася или болтушка Соня не увидели.

– Лучше порвите его.

– Нет уж, уволь. Хочешь порвать – рви сам.

Вигель взял рисунок и, не глядя на него, разорвал и выбросил на мостовую...

Пролётка остановилась у казарм Х... ого кавалерийского полка, и Пётр Андреевич сразу увидел бодрую, чуть-чуть раздавшуюся фигуру Романенко, который тотчас поспешил навстречу прибывшим.

– Доброго здоровья, Николай Степанович! Как поживаете?

– Спасибо, Василь Васильич, Бог грехам терпит, – Немировский легко сошёл на мостовую. Следом за ним из пролётки выбрался и Вигель.

– Ох, и ночка сегодня выдалась! – говорил Романенко. – Не дай, не приведи! Началась трупом без головы в пульмановском вагоне, а закончилась зарубленным на территории собственного полка собственной же саблей офицером! Куда катимся...

– Что ещё за обезглавленный? – спросил Вигель.

– Да какая разница? Это дело не тебе вести, – махнул рукой Романенко. – Я Никитича в столицу снарядил для следствия. Глухое очень дело, вдругорядь расскажу.

– Правильно, что вдругорядь, – одобрил Немировский. – Ты лучше, Вася, расскажи нам всё, что по нашему делу на сей момент известно.

– Дело, Николай Степанович, дрянное, скажу я вам, – Романенко поморщился. – По мне так наш пассажир и то лучше. Здесь же всё – благородные люди! Большое начальство замешано! Вы генерала Дагомыжского знаете?

– Кто же не знает генерала Дагомыжского? Герой Плевны всё-таки...

– Так вот это его племянник, будучи мертвецки пьян, схлопотал мастерский удар шашкой по черепу – так и раскроили его бедолаге!

– Не чума, так скарлатина! – вспомнилась Вигелю любимая поговорка доктора Жигамонта. – Только генерала нам и не хватало...

– Так и что ж с того, что генерал? – пожал плечами Николай Степанович. – У меня тоже чин – не дворовая собака. Действительный статский всё-таки. Так что с генералом я сам поговорю. А ты, Пётр Андреевич, в таком случае, возмёмшь на себя господ офицеров. Продолжай, Василь Васильич.

– По первому абцугу, картина следующая: накануне корнет Обресков отмечал день рождения в офицерском собрании. Присутствовали, в основном, его друзья, младшие офицеры полка. Само собой разумеется, что выпито было немало, и некоторые из присутствующих чрезмерно разгорячились. Подпоручик Дагомыжский позволил себе дерзость в отношении бывшего офицера полка отставного поручика Разгромов и корнета Обрескова. Корнет Тягаев решительными действиями сумел пресечь этот инцидент и с помощью нескольких офицеров обезоружить буяна, после чего последний покинул собрание. Алиби ни у кого из присутствующих нет, так как никто не следил, кто и когда покидал собрание. Тягнувши были, сами понимаете. Корнет Обресков порывался вызвать обидчика на дуэль, но Разгромов и Тягаев остановили его.

– Так, может, этот корнет и отомстил своему припертеню⁵? – предположил Немировский.

– Вряд ли, – покачал головой Василь Васильич. – Вы бы его видели! Тщедушный юнец, а вчера ещё и навеселе... Он просто физически не смог бы нанести Дагомыжскому такого прекрасного удара. Убитый подпоручик был высок ростом, и даже неспециалисту легко определить, что корнет Обресков никак не мог бы так раскроить ему череп. Разгромов и Тягаев – другое дело. Они вполне могли нанести такой удар. К тому же оба они были достаточно трезвы и отличаются отменной ловкостью и силой. Покидал ли Разгромов собрание, никто с уверенностью сказать не может, а Тягаев точно выходил довольно надолго. Вроде бы искал своего друга Обрескова, который умудрился прикорнуть в каком-то углу... А там – кто знает. Сабля-то убитого была у него. Правда, за ней не было должного присмотра, и каждый мог взять... Да и, как говорят, отношения у корнета с Дагомыжским ещё со времён кадетского корпуса были более чем натянутыми. Так что надо этого корнета в разделку брать.

– Кто нашёл тело?

– Здешний писарь. В собрании его не было. Утром шёл в штаб, увидел тело, перепугался смертельно, бросился к полковому командиру, тот доложил генералу, а уж он велел вызвать полицию. Место преступления мы осмотрели. Но это бесполезно. Если и были следы, то их смыло ливнем.

– Исчерпывающий отчёт, – констатировал Николай Степанович. – Итак, братцы-хлопцы, распределим обязанности. Ты, Василь Васильич, думается мне, сутки уже глаз не смыкаешь? Можешь отдохнуть. На данное время ты своё дело сделал...

– Премного благодарен, Николай Степанович, – обрадовался Романенко. – Истинный Бог, спать хочется смертельно. А мне ещё по начальству докладывать... Если что, так я в вашем распоряжении.

Простившись с Василь Васильичем, Вигель обратился к Немировскому:

– Николай Степанович, я должен сказать, что немного знаю одного из участников этой истории.

– Вот как? Кого же?

– Корнета Петра Тягаева...

– Её сын? – слёту угадал Немировский.

– Да. Мы вчера познакомились. Корнет как раз спешил на день рождения своего друга.

– Значит, судьба... – задумчиво произнёс Николай Степанович. – Вынужден тебя огорчить: твоего корнета, скорее всего, придётся заключить под арест. Слишком много улик против него.

– Я понимаю...

– Вот что, прежде чем разговаривать с господами офицерами, зайди к полковому командиру, чтобы получить их общие характеристики. Потолкуй с ним, а потом принимайся за них.

– А вы?

– А я отправлюсь к генералу Дагомыжскому и побеседую с ним и остальными родственниками убитого подпоручика.

Полковник Дукатов внешнею своей походил на крепкого крестьянина-кулака, хотя происходил из дворянского рода. Он был приземист, коренаст, сбит, его крупные, жилистые руки выдавали недюжинную силу – Владимир Георгиевич с лёгкостью гнул подковы и медные пятаки. Широкое лицо Дукатова, обрамлённое густой русой бородой, было сурово, а глаза смотрели с хитрецей, характерной для русского крестьянина. В полку Владимира Георгиевича любили. Он хоть и «спускал частенько собак», и припекал подчинённых не подобающими в дамском обществе словами, но всё это сглаживалось отеческой заботой, всегдашней весёло-

⁵ Обидчику

стью и бравадой. Бывало на кавалерийских учениях, глядя на некоторых плохо держащихся в седле офицеров, полковник кричал:

– Эх вы, блохи неподкованные! Мухи осенние! И вас мне прикажете в бой вести?!

Дукатов ругался не со зла, а потому его ругань только вызывала улыбки: «Опять наш батяно разбушевался!» При этом нарушать приказаний Владимира Георгиевича никто не смел. Нарушителей полковник не миловал, справедливо считая дисциплину первым условием бое-способности армии. При этом Дукатов никогда не давал своих подчинённых в обиду, всегда заступаясь за них перед старшим начальством. У Владимира Георгиевича был развит некий собственнический инстинкт в отношении «своих людей». Сам он имел право «спускать собак», ругаться и, при необходимости, взыскивать с них, но никто больше не смел дурно обойтись с «его людьми», такое обхождение он воспринимал, как личное оскорбление, и стеной вставал за своих подчинённых. И крепка была эта стена! Генеральский гнев разбивался о неё, а Дукатов оставался невозмутим, словно ничего не происходило. Казалось, разорвись перед ним снаряд, он бы и тогда остался спокоен. Генерал выплёскивал свой гнев на полковника, и на этом исто-рия оканчивалась: на подчинённых этого запала уже не хватало. Случалось Владимиру Геор-гиевичу и самому манкировать начальственными указаниями, но с такой простотой и наив-ностью умел он объяснить причину подобных проступков, что начальство разводило руками и оставляло такие факты без последствий. Дукатов любил хорошую шутку, шутил сам и нико-гда не обижался, когда шутили над ним. А подчинённые вслед за командиром-острословом частенько придумывали о нём разные анекдоты, хотя при этом искренне любили его.

– От Дукатова выдачи нет, – говорили в полку.

В полку проходила большая часть жизни Владимира Георгиевича, хотя был он женат на чрезвычайно скромной и тихой женщине, родившей ему троих детей и появлявшейся с мужем лишь на крупных полковых праздниках, на которые все офицеры обязаны были являться с жёнами.

Несмотря на хмурый вид, полковник сразу расположил к себе Вигеля сходством с покой-ным Императором. Между тем, Дукатов смотрел на следователя с нескрываемым неудоволь-ствием.

– Я надеюсь, вы не собираетесь арестовывать всех моих офицеров? – без обиняков спро-сил он, покрутив толстый ус.

– Всех не собираюсь, – отозвался Пётр Андреевич. – Но вы же понимаете, что мы обязаны найти убийцу, а значит...

– Господин Вигель, я не знаю, что вы там себе думаете, но никто из моих офицеров не мог совершить подобной гнусности! Я знаю их всех, как родных детей и даже лучше, и могу голо-вой поручиться за каждого из них! Напасть на безоружного сзади! Здесь вам, чёрт возьми, не Хитровка! Вызвать на поединок – дело иное. Такое у нас бывало, хотя это и запрещено зако-ном. Но дуэль – самый естественный способ разрешения конфликта для благородных людей! Если благородному человек нанесено оскорбление, то не идти же ему с этим в суд! Это низко и достойно разве что какого-нибудь ничтожного жидишки-маклёра, но не русского офицера! А потому дуэли будут всегда, пока есть такое понятие, как «честь», но убийства офицера офи-цером в спину быть не может! Больше мне нечего вам сказать!

– Господин полковник, я лишь исполняю свой долг, а мой долг подозревать всех, кто имел возможность и причину для совершения преступления, невзирая на мои личные чувства.

– Хорош долг! Вы, должно быть, господин Вигель, в каждом смертном подозреваете пре-ступника, – Дукатов хрустнул пальцами. – Прошу извинить меня за резкость, но, если вы рас-считываете выцыганить из меня сведения, подкрепляющие ваши подозрения, то напрасно тра-тите время.

– Я понимаю ваше раздражение, – отозвался Пётр Андреевич. – Поверьте, мне бы меньше всего хотелось, чтобы к этому преступлению были причастны ваши офицеры, но у нас пока

нет иных подозреваемых, если вы можете дать нам хоть какую-то нить в другом направлении, то мы будем вам только признательны. Кто, кроме ваших офицеров, мог находиться ночью на территории полка? Кто мог завладеть оружием убитого?

– Не спрашивайте, господин Вигель, – мрачно отозвался полковник. – Я уже и сам сломал голову, ища логическое объяснение этому... Караульные божатся, что никого из посторонних не видели. Чертовщина какая-то!

– Я хотел бы попросить вас дать характеристику офицеров, оказавшихся замешанными в эту историю. Например, что вы можете сказать об убитом подпоручике?

– О Мишке? Пожалуй, он единственный, о ком я не могу сказать ничего хорошего. Скрытный, крайне неровный, мрачный... Ни с кем из офицеров близок не был. Этаким вещь в себе. Да ещё с гонором! Нет, воинские дисциплины он знал порядочно, но, как человек... О покойниках, конечно, плохо не говорят, но дрянью-человек он был.

– Стало быть, в полку его не любили?

– Только не надо делать выводов, что поэтому его и зарубили, как свинью!

– Я не делаю выводов, а лишь уточняю факты. А о троих участниках инцидента в собрании что вы можете сказать?

– Корнеты Обресков и Тягаев друзья ещё с кадетского корпуса. Орест и Пилад. Правда, они очень разные. Обресков – славный малый, но толка из него не выйдет. Нет в нём настоящей офицерской закваски. Думаю, карьеры он не сделает и, скорее всего, найдёт себе иное поприще. Он немного ребячлив ещё, горяч, но добр, мягок, даже слишком. И уж чересчур норовит угнаться за старшими товарищами в их гусарстве. Мальчишка он ещё, вот что. А, вот, корнет Тягаев – совсем другое дело. Редко у кого в таких годах можно встретить такую выдержку, глубину ума. Строг к себе и к другим, сдержан, исполнительен, инициативен, всегда готов помочь товарищам, честен, скромнен, старателен, наделён сильной волей, целеустремлённостью. Отличный наездник и фехтовальщик. Я возлагаю на него большие надежды. Он очень устойчив, никогда не позволяет подбить себя на какие-то глупости. Твёрдость, достойная старшего офицера... Вот, в ком подлинное офицерское ядро! Хотя наследственность вроде совсем и не располагает к тому.

– А Разгромов?

– Виктор – потеря для нашего полка. Этаким скосырь⁶! Настоящий сорвиголова, храбрец отчаянный. Многих я удалцов повидал, но такого встречать не приходилось. Только дисциплины – никакой. Ему не в кавалерии, а в партизанском отряде цены бы не было. Сметлив, инициативен, ловок, как сам чёрт. Самых буйных лошадей смирял, с какими и цыгане сладить не могли. Только, если вы думаете, что он убить мог, то ошибаетесь. Я это не потому говорю, что он мой бывший офицер, а зная характер его. Разгромов – игрок. За это и был уволен из полка. И играть он любит по-крупному, на самые большие ставки. Лучше всего – на жизнь. Он фаталист, его любимая забава – испытывать судьбу, играть со смертью. Говорил я ему: «Не искушай Господа Бога Твоего!» – да впустую. Поймите, для него главный интерес – рискнуть своей жизнью. И, если бы ему пришла в голову блажь свести счёты с Михаилом, так он вызвал бы его на дуэль, да ещё дал бы фору, чтобы сравнять шансы. Однажды Виктор вызвал таким образом одного офицера. Дрались на саблях. Так он, зная, что противник менее искусен, чем он, дрался левой рукой.

– И чем же закончился поединок?

– Вы ещё спрашиваете? Разумеется, Разгромов победил! Правда, противник его остался жив – Виктор лишь ранил его, а с раненым бой продолжать отказался. И такой человек, по-вашему, мог ночью подкрасться сзади к пьяному грубияну и разmozжить ему голову? Побойтесь Бога!

⁶ Удалец

– Благодарю вас, господин полковник, за столь подробную характеристику ваших офицеров. Честь имею! – Вигель поднялся и склонил голову, прощаясь.

– До свидания, господин Вигель. И всё-таки послушайте моего слова: в нашем полку убийцы нет. Ищите в другом месте. И распутайте вы эту чертовщину, очень вас прошу!

Гостиная генерала Дагомыжского была выдержана в стиле ампира. В двух стенных проёмах красовались огромные в полный рост портреты хозяев: самого генерала в парадном мундире со всеми наградными знаками и его молодой супруги, женщины классической красоты, с которой, вероятно, любой скульптор мечтал бы изваять образ древнегреческой богини Венеры или же Афродиты. В ожидании Дагомыжского Николай Степанович внимательно рассматривал гостиную. В мягком кресле он заметил забытую кем-то книгу, поднял её и поморщился:

– Ницше...

– Это Аня читает, – послышался негромкий, глуховатый голос.

Немировский обернулся и увидел немолодую женщину, худощавую, с усталым, но довольно приятным лицом, одетую в тёмное простое платье. Следовательно учтиво поклонился:

– Действительный статский советник Немировский.

– Генерал сейчас спустится к вам... Только... Вы, когда поговорите с ним, не уезжайте сразу. Обождите немного в вашем экипаже, мне несколько слов вам сказать нужно – здесь вам никто больше не скажет...

– А вы?..

– Лариса Дмитриевна Воржак. Я что-то вроде экономки в этом доме. Генерал – мой деверь. Моя покойная сестра была его женой, – странная женщина прислушалась. – Он идёт. Не говорите ему, что видели меня и не уезжайте, не поговорив.

– Обещаю вам, сударыня...

Лариса Дмитриевна исчезла за драпировкой, которой, как оказалось, был завешан один из дверных проёмов гостиной. Николай Степанович озадаченно склонил голову набок. Очень любопытно было бы знать, действительно имеет эта особа что сообщить, или же она просто экзальтированная старая дева, что-то выдумавшая себе и теперь ищущая благодарного слушателя? Впечатления невзрастенички она не производит, хотя... кто их теперь разберёт? Размышления следователя прервал вошедший в гостиную генерал...

Константин Алексеевич Дагомыжский, несмотря на лета (а ему уже перевалило за шестьдесят), отличался богатырский фигурой. Высокий и подтянутый, он внушительно смотрелся, как верхом, объезжая полки, так и стоя на земле. Рассказывали, что в дни Балканской кампании турки разбегались в рассыпную от одного вида этого рыцаря, тогда ещё носившего чин капитана, несущегося на их ряды на взмыленном коне с занесённой, сияющей саблей, с победным криком «Ура!»... Какое-то время Константин Алексеевич исполнял обязанности адъютанта ближайшего сподвижника Скобелева Фёдора Эдуардовича Келлера⁷ и нередко видел самого «белого генерала», который лично вручал ему георгиевское оружие за проявленную в бою под

⁷ Келлер Фёдор Эдуардович, граф, (1850—1904) – генерал-лейтенант (1899). Окончил Пажеский корпус (1868) и Академию Генштаба (1876). Службу начал в 1868 корнетом Кавалергардского полка. В 1876 поступил добровольцем в сербскую армию, в октябре 1876, после формирования в составе сербской армии русской добровольческой дивизии, – начальник ее штаба, затем в составе русской армии участвовал в русско-турецкой войне 1877—1878. С марта 1878 начальник штаба болгарского земского войска, затем начальник штаба 1-й гренадерской дивизии, в 1882—1890 командир лейб-гвардии 4-го стрелкового Императорской фамилии батальона, с 1890 заведующий мобилизационной частью Главного управления казачьих войск, с 1893 директор Пажеского корпуса, с 1899 екатеринославский губернатор. С началом русско-японской войны 1904—1905 по личной просьбе в марте 1904 направлен на фронт, где получил 2-й Восточно-Сибирский корпус, а затем сменил генерала М.И.Засулича на посту командующего Восточного отряда. Погиб в бою на Янзелинском перевале. Родной дядя белого генерала Ф. А. Келлера.

Шейновым отчаянную смелость. Вместе же с Фёдором Эдуардовичем Дагомыжский в ту кампанию прошёл огонь и воду. Он успел отличиться и в ходе дерзкой вылазки-рекогносцировки накануне большой битвы при Фундине, и в схватках в долине Моравы, где турки потерпели сокрушительное поражение. Имя Алексея Константиновича знали и боснийские мусульмане, чьи нападения не раз отражала его могучая рука, и сербы и болгары, плечом к плечу с которыми он сражался за свободу их земли... Всем видом своим генерал Дагомыжский внушал людям смесь почтения и трепета. Правда, Немировский слышал, что подчинённые не очень любят генерала за его чрезмерную жестокость... Лицо Константина Алексеевича с благородными чертами, седыми волосами, чуть опущенными сзади и редеющими у лба, и аккуратно подстриженной бородой, выражало суровость, а в этот час даже некоторое раздражение.

– Господин Немировский, – начал он глубоким красивым баритоном, – прошу извинить, что заставил вас ждать. Я должен был срочно окончить одно чрезвычайно срочное дело. Присаживайтесь! – широкий жест могучей руки в сторону одного из кресел. – Я представляю, какие вопросы вы теперь будете задавать, а потому для экономии нашего общего времени давайте я просто расскажу вам о моём головотяпе-племяннике, а вы уж уточните, что вам понадобится.

– Сделайте милость, – кивнул Николай Степанович, располагаясь в кресле и открывая свою тавлинку.

– Табачком угощаться изволите?

– Не желаете?

– Нет, я табаку не курю и не нюхаю. Предпочитаю порох! – генерал прошёл по комнате. – Итак, слушайте же. Михаил – сын моего покойного старшего брата. Он рано остался сиротой и с той поры жил у моего старика-отца, пока тот не скончался. Никакими талантами мой племянник не отличался и, вообще, надо сказать, был пустым человеком. Я устроил его в полк, рассчитывая, что там он, по крайней мере, научится дисциплине, порядку... Но я напрасно надеялся. Знали бы вы, господин Немировский, сколько неприятностей я имел из-за этого пащенка! И хоть бы какая благодарность! Ничуть! Он, подлец, прости Господи, ещё и позволял утверждать, что я ограбил его!

– На чём же основано было такое утверждение?

– На том, что наследство отца было поделено поровну между моим братом и мной, а после смерти брата его часть должна была перейти его сыну. Но я, зная совершеннейшую безалаберность моего племянника, уговорил отца переменить завещание с тем, чтобы означенная часть могла быть получена Михаилом только после его женитьбы на какой-либо достойной особе нашего круга, а до той поры я являюсь распорядителем этих денег. Да будет вам известно, что ни копейки из них я не истратил, а моему неблагодарному племяннику выдавал ежемесячно приличные деньги на его нужды, и это он считал грабежом! Но ведь разве можно отдавать взбалмошному юнцу такую сумму? Ведь он одним махом прокутил бы её, а потом одалживался всю жизнь! В конце концов, он мог бы давно жениться, и весь капитал перешёл бы его семье... Правда, отец, зная свободные нравы нынешней молодёжи, мудро поставил условие, что невеста должна быть нашего круга, если же она была бы какой-нибудь, прости Господи, камелией, то Михаил потерял бы право на наследство. А мой племянник, должен вам сказать, именно к такого рода женщинам испытывал страсть. Вы, уверен, поймёте меня, господин Немировский... Подумайте, как распустились наши молодые люди! Они ищут порока, страсти, их влечёт всё падшее, всё, что содержит в себе червоточину. Это же уже болезнь какая-то! Вы согласны со мной?

– Несомненно, генерал, – кивнул следователь. – Скажите, у вашего племянника были враги?

– Рад бы сказать, да нечего. Главный враг его был он сам. Я, господин Немировский, в его жизнь носа не совал – что за охота! Жил он в казарме, изредка бывал у нас, скандалил...

– Значит, никаких предположений, кто мог бы убить его, у вас нет?

– Ни малейших. Хотя могу предположить, что, при его характере, людей, имевших желание сделать это, должно было быть немало. Надеюсь, что наши офицеры не имеют к этому отношения. Иначе господа борзописцы оставят от нас мокрое место. Они любят такие истории! Сволочи... Я, господин Немировский, не читаю газет и журналов. Из принципу! Плевать я хотел на гнусную возню этих щелкопёров... Однако же, все теперь читают, и скандала бы мне не хотелось. Поэтому прошу, насколько это в ваших силах, позаботиться о том, чтобы сведения по этому делу как можно меньше просачивались в газеты.

– Всё зависящее от меня я сделаю, но обнадежить вас не могу. Слишком громкое дело. Думаю, уже вечерние газеты будут пестреть соответствующими заголовками...

– Сволочи, – буркнул генерал. – У вас есть ещё вопросы ко мне?

– К вам нет. Но я рассчитывал поговорить и с членами вашей семьи. Может быть, они смогут сообщить что-то...

– Господь с вами! Михаил, по счастью, был нечастым гостем в нашем доме. Никто вам здесь большего не скажет. Да и говорить некому толком... Жены нет дома. Моего старшего сына Серёжи – также. А мой младший сын, Леонид, болен нервами. Эта история и так очень тяжело на него подействовала, и я категорически против, чтобы вы допрашивали его.

– В таком случае мне придётся наведаться к вам вновь, – сказал Немировский, поднимаясь.

– Как вам будет угодно, – холодно отозвался Дагомыжский.

Покинув дом генерала, Николай Степанович сел в пролётку и велел извозчику слегка повременить. Минут через десять он заметил знакомую худощавую фигуру, осторожно вышедшую из дома и направившуюся в его сторону.

– Спасибо, что дождались меня, господин Немировский, – сказала Лариса Дмитриевна, подойдя.

– Можете называть меня по имени и отчеству. Где мы будем разговаривать?

– Давайте просто прогуляемся по Арбату, и я вам расскажу всё.

– Как вам будет угодно, Лариса Дмитриевна.

Они неспешно пошли по Арбату в сторону Арбатской площади. Лариса Дмитриевна была взволнованна и время от времени озиралась по сторонам.

– Вы чего-то боитесь? – спросил Немировский.

– Если он узнает, что я с вами разговаривала, то очень рассердится.

– Генерал?

– Да, – Лариса Дмитриевна вздохнула. – Но я не могу вам не рассказать... Потому что боюсь, за него боюсь. У меня очень мало времени, поэтому слушайте: недели три тому назад Константин Алексеевич получил анонимное письмо, в котором некто предупредил его о том, что на него готовится покушение, что он приговорён к смерти... Генерал был вне себя. Он был уверен, что это выходки Миши. Миша, в самом деле, как-то угрожал ему, но это было сгоряча... Миша никогда бы не пошёл на преступление. Он был взбалмошный, скрытный... Но, я уверена, что он не способен на преступление. Ведь я вырастила всех их троих: и Мишу, и Серёжу, и Лёничку... Я знаю их, как облупленных. Когда Константин Алексеевич остыл, то решил, что это просто чья-то глупая шутка...

– Но вы так не считаете?

– Не знаю, Николай Степанович... Никаких фактов у меня нет, а только моё чувство...

– А что же, у кого-то есть причины так ненавидеть генерала?

– Несколько лет назад он командовал гарнизоном в Н... ой губернии. В одном из уездов там вспыхнуло восстание, и Константину Алексеевичу было приказано подавить его. Несколько мятежников было тогда убито, а другие сосланы на каторгу...

– Стало быть, политика, – вздохнул Немировский. – Почему генерал предпочёл скрыть факт угрозы?

– Он боится, что в это дело замешан Лёничка, – тихо ответила Лариса Дмитриевна и опустила глаза.

– Каким образом?

– Полгода назад он нашёл в его комнате революционные прокламации и какое-то химическое вещество, которое добавляют в начинку бомб... Константин Алексеевич очень хорошо знает химию и без труда понял, что это.

– А что же Лёничка?

– Клялся и божился, что вещи эти оказались у него по чистой случайности. Сказал, что товарищи по университету дали. Он как раз поступил тогда на первый курс... Что за товарищи, не сказал. Будто бы знакомые знакомых... Генерал так кричал на него, что стены тряслись. Всем домашним он запретил кому-либо говорить о случившемся. Константин Алексеевич мечтает стать генералом от Инфантерии и очень боится испортить свою репутацию.

– Зачем же вы нарушили этот запрет?

– Потому что боюсь за него, я уже сказала, – отозвалась Лариса Дмитриевна. – В нашем доме, может, одной только мне и есть ещё дело, как он и что с ним. Остальные живут своей жизнью. А у меня своей жизни нет, приходится жить чужими... А Константина Алексеевича я знаю с юности. Он тогда был другим: весёлым, добрым, щедрым... Он мою сестру Ирину очень любил, боготворил её. На него смотреть было больно, когда её не стало. Думаю, он и теперь её любит, хоть и вторично женат. Аню он не любит. Она для него, как дорогие драпировки в его гостиной, как дамасский клинок, как арабский конь в его конюшне – всегда можно гордо показать. Это не любовь, а самолюбие. Молодая красивая жена тешит это самолюбие, как другие прихоти. Только я одна и знаю, что темно и тоскливо у него на душе, несмотря на этот внешний блеск. Этот блеск не только других слепит, но и его ослепил. А я его жалею. Поэтому и рассказываю это всё вам. Вдруг та угроза – не шутка. Ведь столько совпадений...

– Да, совпадений многовато, – согласился Немировский. – А вы мне можете сказать, какие отношения были у Михаила с остальными членами семьи? Были ли у него враги?

– Отношения? Да никаких отношений... Он только с Лёничкой иногда поболтать любил. У них что-то общее было. Мрачность какая-то болезненная, «лермонтизм». Лёничка бредит Лермонтовым, знаете ли... Когда он узнал о гибели Миши, у него был нервный припадок. Мы даже удивились, хотя Лёня очень нервный мальчик, и припадки бывали у него и раньше. Насчёт врагов ничего не могу сказать. Я вам только могу сказать, что у Миши была какая-то зазноба... Кто она, откуда – я не знаю. Но как-то он обмолвился вскользь... Одно точно: она была не из нашего круга, иначе он, вероятно, женился бы на ней, чтобы, наконец, получить дедово наследство. Простите, Николай Степанович, но я должна возвращаться, иначе меня могут хватиться, а я не хочу, чтобы он узнал...

– Спасибо, Лариса Дмитриевна, за помощь, – поблагодарил Немировский, и Воржак поспешила назад, слегка прихрамывая и кутаясь в тёплый платок.

Николай Степанович неспешно направился следом, заложив руку за спину. Что ж, здесь никакой загадки. Скромная, неприметная хромоножка, в которой никто не заметил ни красоты души, ни миловидного лица, полюбила мужа сестры и посвятила ему всю жизнь... Принесла себя в жертву... Всё же интересно было бы познакомиться с остальными обитателями этого дома. Кажется, скелетов в шкафах в нём хватает. И, если задуматься, то смерть Михаила была выгодна всему семейству: теперь ему не придётся отдавать положенную долю наследства. «Лермонтизм», Ницше, прокламации, революция... Нет, всё-таки до чего приятнее иметь дело с простыми уголовниками. И не дай Господи – с уголовниками из интеллигенции. Никогда не разобрать, какое очередное безумие их одолевает...

Немировский уже почти дошёл до своей пролётки, стоявшей немного в стороне от дома Дагомыжских так, чтобы её нельзя было заметить в окно, и остановился, прищурившись. Из дверей дома выпорхнула высокая, красивая женщина, в которой следователь тотчас узнал

хозяйку дома, которую только что видел на портрете, и которая, по словам её мужа, была в отсутствии. Тюрнюр, высокая шляпа с вуалькой – дама была одета по последней моде и очень дорого. Остановив проезжавшего мимо извозчика, Дагомыжская велела вести себя куда-то, но адреса Николай Степанович не расслышал. Он поспешил к своей пролётке и приказал ехать за только что отъехавшим экипажем

– Следить будем, ваше высокородие? – осведомился румяный детина-извозчик с широким деревенским лицом.

– Будем, братец, будем.

Эта перспектива отчего-то очень обрадовала возницу, и он припустил коней рысью, держа при этом на почтительном расстоянии от объекта слежки. Ехать пришлось на Сивцев Вражек, где генеральша отпустила извозчика и вошла в подъезд одного из домов. Немировский направился следом.

– Ваше высокородие, а, может, не надо вам одному ходить туда? Ну, как там разбойники какие? Ну, как вертеп? – окликнул его возница.

– А что ж делать, братец? Сиди, жди меня. А, коли что, так свисти, зови городского!

– Слушаюсь!

Николай Степанович поднялся на второй этаж и оказался перед приоткрытой дверью, из-за которой доносился монотонный голос, говоривший слова такие странные, что следователь сразу понял, что попал по адресу, и вошёл внутрь. В помещении было темно и людно, вдобавок пахло чем-то приторным и душным. На импровизированной сцене горела свеча, в глубоком кресле сидел человек, похожий на тень и говорил неживым, хрипловатым голосом:

– Вам говорят, любите ближнего своего. Ложь! Ибо в этом мире у нас нет ближних. В этом мире ближние себе лишь мы сами, и наши желания должны стать главным для нас. Человек может достичь всего, если не скован лживыми ограничениями, измышленными лицемерами, если в нём нет страха преступить! Именно страх и трусость перед тем, что кажется нам невозможным, перед тем, что трусы и лицемеры называют преступлением, лишает нас своей воли, лишает наслаждений, которые мы могли бы получить, становится барьером к достижению наших целей! Человек, сбрось оковы и будь свободен!

Немировский утёр пот со лба и покинул тёмную квартиру. Выйдя на улицу, он сел в пролётку и коротко велел вопросительно взглянувшему на него вознице:

– Ждать.

– Слушаюсь, ваше высокородие. А что – там?

– Там... – Николай Степанович криво усмехнулся. – Вертеп! Настоящий вертеп!

– Разбойники?

– Хуже, братец, интеллигенция! И проповедник!

– Вон оно как...

– Послушаешь этакую гадину и подумаешь, что напрасно, напрасно отменили у нас порку! Взять бы всю эту публику, да и всыпать горячих, чтобы мозги на место встали. За глупость в каторгу не пошлешь, а выпороть – было бы полезнейшее дело, – Немировский сцепил пальцы и пожевал губами. – Нет, всё, кончился мой век. Пора на покой... Форменная ахинея с маслом: я, действительный статский советник, точно какая-то полицейская ищейка выслеживаю полунормальную бабёнку и вынужден слушать какого-то сумасшедшего проповедника. Кстати, нужно непременно установить, кто он, и запретить эти оргии...

– У нас на Цветном в минувшем годе тоже проповедник был, да я не понял, что он баил, – сказал возница.

– Развелось нечисти... Доморощенные мессии... Торгуют счастьем и истиной на вес, как несвежими овощами у Китайской стены... Нет, закрою я эту лавочку.

– Другая появится, ваше высокородие.

– Правда твоя, братец, появится... И зачем тогда всё, спрашивается?

– Да вы не огорчайтесь, ваше высокородие!

Дверь подъезда отворилась, и на улице показалась генеральша Дагомыжская и высокий брюнет с офицерской выправкой, но в штатском платье, поддерживающий её под локоток и что-то шептавший на ухо, возбуждая громкий смех своей спутницы.

– Ба! Погляньте, ваше высокородие, она уже, подлюка, кавалера нашла!

– Тише ты, труба иерихонская.

Брюнет остановил извозчика и помог даме сесть.

– Прикажите за ними ехать? – спросил возница Немировского.

– Прикажу. Только без меня.

– Как так?

– Просто. Поедешь за ними. Меня интересуется кавалер. Узнай, где он живёт и, если удастся, как его имя. А я уж тебе беленькую дам за работу, – сказал Николай Степанович, спрыгивая на мостовую. – Уразумел, что ли?

– Так точно, ваше высокородие! Не извольте беспокоиться! – кивнул возница и стегнул лошадей. – Но! Балуйся!

Солнце прокралось сквозь неплотно задёрнутые занавески и ударило в глаза. Анна Платоновна легко спрыгнула с кровати и с удовольствием прошла по мягкому ворсистому ковру до висевшего в углу зеркала, перед которым остановилась, созерцая свою красоту, прикрытую лишь тонкой сорочкой: ах, какие перламутровые плечи, ах, какие стройные, сильные ноги, ах, какая талия, которой, кажется, никогда не понадобится корсет! А эти крупные, броские, и в то же время абсолютно гармоничные и аккуратные черты лица, а глаза, а губы, а кожа, чистая, гладкая, а густые тёмные волосы... Нет, мимо такой женщины ни один мужчина не может пройти спокойно! С такой красотой всё можно! А ведь к красоте ещё и ум приложен! Ах, да при таких дарованиях не за генералом, а за самим Императором замужем быть! Ах, как жаль, что Витор не Император... И даже не стремится к карьерному росту... Они были бы великолепной коронованной четой! Куда там нынешней!

А ведь ничего этого могло и не быть... Анна Платоновна была единственной дочерью вечного титулярного советника, который был на седьмом небе от счастья, дослужившись к глубокой старости до коллежского асессора, человека бедного, лишённого каких-либо способностей, имеющего к тому же слабость к вину, но при этом глубоко религиозного... Эта отцовская религиозность ещё в раннем детстве оттолкнула Анну Платоновну от веры. Пьяная вера с похмельными слезами покаяния и вечной присказкой о том, что «Бог терпел», что «Бог и цветы полевые одевает», что «Бог даст»... Так почему же не давал?! Именно в Боге Анна Платоновна увидела врага, врага, который поощряет слабости, лень и непрактичность отца и таких же, как он, неудачников, и отвергла его со всей решимостью своего характера. Отца она стыдилась, в Бога не верила, а бедная, но честная жизнь представлялась ей унижительной, но главное – скучной. Бедность – это значит не ходить в театры и на выставки, не покупать книг, не выписывать журналов, не иметь приличного гардероба, не бывать в свете – так жить нельзя и даже преступно по отношению к себе, к своей единственной жизни! Бедность – выйти замуж за ничтожество вроде отца, который будет пить и молиться доброму боженьке, рожать от него детей, чтобы они выросли такими же – уничтожить свою жизнь! Даже теперь подобная картина вызывала у Анны Платоновны судорожное передёргивание плечами.

Рассчитывать на чью-то помощь смысла не было, полагаться приходилось только на себя: на природные внешние данные и острый ум. Вероятно, ум этот передался по наследству от рано умершей матери-немки, на могиле которой Анна Платоновна поклялась прожить жизнь иначе, чем она, рассчитаться и за неё, и за себя. Пусть ничтожества, слабые и глупые люди прозябают в нищете, ожидая манны небесной, а Анна Платоновна знала, что только своей волей можно добиться желаемого, а воля эта была железной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.